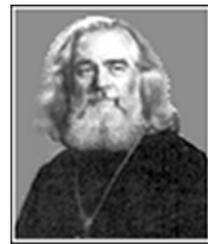

Протопресвит. Михайль Польскій († 1960 г.)

Протопресвитеръ Михайль Польскій († 1960 г.) родился 24 октября (6 ноября) 1891 г. въ станицѣ Новотроицкой Кубанской области въ семьѣ псаломщика. Окончилъ Ставропольскую духовную семинарію (1914) и по ея окончаніи работалъ противосектантскимъ миссіонеромъ.

Священникъ (1920). Въ 1921 г. поступилъ въ Московскую духовную академію, которая вскорѣ была закрыта. Въ 1923 г. арестованъ и послѣ тюремнаго заключенія былъ сосланъ въ Соловецкій лагерь, а въ 1929 г. — на 3 года въ Зырянскій край. Въ 1930 г. бѣжалъ изъ ссылки и покинулъ Россію, перейдя россійско-персидскую границу. Сначала попалъ въ Палестину, потомъ (съ 1938 по 1948 гг.) былъ настоятелемъ прихода въ Лондонѣ въ юрисдикціи Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Въ 1948 г. переѣхалъ въ США. Служилъ въ кафедральномъ соборѣ «Всѣхъ скорбящихъ Радосте» въ г. Санъ-Франциско (шт. Калифорнія, США) (съ 1952 г. — старшимъ кафедральнымъ протоіереемъ указаннаго собора). Послѣ побѣды въ 1949 г. на т. н. «Лосъ-Анжелосскомъ процессѣ», гдѣ о. Михайль защитилъ каноническую правоту РПЦЗ какъ экспертъ-канонистъ, онъ былъ возведенъ въ санъ протопресвитера. Въ 1955 г. упомянутъ какъ кафедральный протопресвитеръ, замѣститель предсѣдателя епархіального совѣта Западно-Американской епархіи Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Ушелъ на покой въ 1959 г. Скончался 8 (21) мая 1960 г. въ Санъ-Франциско. Похороненъ на Сербскомъ кладбищѣ подъ Санъ-Франциско.

Протопресвитеръ Михайль Польскій († 1960 г.).

Положеніе Церкви въ совѣтской Россіи.

Очеркъ бѣжавшаго изъ Россіи священника.

1.

Когда глава Россійской Православной Церкви Патріархъ Тихонъ, весною 1923 года, былъ выпущенъ большевистскою властью изъ заключенія, то власть праздновала свою первую побѣду надъ Церковью. Патріархъ призналъ себя виновнымъ предъ большевиками, раскаялся въ политической дѣятельности противъ нихъ и за это былъ помилованъ и освобожденъ изъ заключенія. Власть такимъ признаніемъ Патріарха оправдывалась тогда предъ міромъ въ своихъ преслѣдованіяхъ и Патріарха и всей возглавляемой имъ Церкви.

Съ самага начала революціи, большевистская власть объявляла, что она преслѣдуетъ церковниковъ не за религію, а за контръ-революцію, за политическую противъ нея дѣятельность. И теперь это казалось доказаннымъ. Церковь въ лицѣ Патріарха какъ бы призналась, что она имѣла не однѣ только религіозныя и небесныя цѣли, но и политическія, земныя, и теперь отъ нихъ отказывается. По дѣломъ было и преслѣдованіе. Большевики были какъ-будто бы правы.

Но всѣ мы, православные люди, тогда отлично понимали суть дѣла. Казнить Патріарха большевики не могли, хотя и желали этого. Они боялись дать ему ореоль мученика въ глазахъ народа, о чемъ и Ленинъ, говорятъ, въ свое время сказалъ: «мы изъ него второго Гермогена дѣлать не будемъ» [1].

Однако, и выпустить его изъ заключенія по одному только требованію заграницы, каковое требованіе какъ разъ въ это время было предъявлено (ультиматумъ Керзона), тоже нельзя было, не подорвавъ престижа государственной власти въ глазахъ народа: столько времени вести борьбу съ Патріархомъ и готовить ему судъ и казнь, а затѣмъ выпустить ни съ чѣмъ, значило потерпѣть пораженіе отъ того же Патріарха. Поэтому агенты власти склонили, уговорили Патріарха признать себя виновнымъ и этой цѣной получить свободу, которая представлялась Патріарху необходимою для блага Церкви. Унижаясь предъ властью, принося жертву самимъ собою, отказываясь отъ славы мученика, Патріархъ и вышелъ на свободу ради пользы Церкви. Такъ мы тогда разсуждали, и ликовали предъ нашимъ Патріархомъ, какъ предъ побѣдителемъ, устраивая ему триумфальныя встрѣчи и шествія. Хотя онъ и отказался отъ тюрьмы, но въ нашихъ глазахъ онъ не переставалъ быть славнымъ мученикомъ.

Со слезами радости православные люди сыпали цвѣты на дорогу Патріарха, но въ то же время скорбѣли и тревожились, видя всю тяжесть его положенія, то есть, положенія всей нашей Церкви.

Аресты духовенства, и послѣ освобожденія Патріарха и всѣхъ его завѣреній въ политической вѣрности властямъ, продолжались и усилились.

Меня на допросѣ въ Чека [2] слѣдователь сиросиль:

— Ваши политическія убѣжденія ?

— Я не имѣю права имѣть ихъ, — отвѣтилъ я.

Вслѣдъ за Патріархомъ я очищался отъ политики; я зналъ, что Церковь существовала при всякой власти, и, не взирая на форму управленія и отношеніе къ

ней власти, может и должна существовать. Поэтому я полагалъ, что я могу быть чистъ отъ всякихъ политическихъ убѣжденій.

Но, конечно, такіе взгляды здѣсь нисколько не помогли. Слѣдовательно угодно было, чтобы я осудилъ Патріарха и Патріаршество, какъ форму церковнаго управленія, а я высказался за Патріарха.

Значить вы — монархистъ, — сказалъ онъ, — коллегіальное управленіе вы не признаете.

На другомъ допросѣ слѣдователь обвинялъ меня въ пропагандѣ противъ совѣтской власти. Я отрицалъ за собою такое преступное дѣяніе, но признавалъ, что всегда говорилъ въ церковной проповѣди противъ безбожія.

— Кого же вы разумѣете подъ безбожниками? — спросилъ онъ.

— Безразлично, всѣхъ: будетъ-ли то рабочій или ученикъ школы, — отвѣтилъ я.

— Конечно, и представителей власти? — еще спросилъ онъ.

— Да, всѣхъ, — принужденъ былъ я подтвердить и это.

Въ обвинительномъ заключеніи слѣдователя, въ чтеніи котораго я росписался, мнѣ была поставлена статья закона, преслѣдующая «возбужденіе массъ на религіозной почвѣ противъ совѣтской власти». Кромѣ этой, была поставлена потомъ еще одна статья.

Итакъ, я оказался все-таки политически виновнымъ, не смотря на свое очищеніе отъ всякой политики. Но я настаивалъ на своемъ. Я разсуждалъ такъ, что лучше страдать невинно, по ложному обвиненію, съ чистою совѣстью предъ Богомъ, предъ людьми и предъ самимъ собою, страдать за религію, за вѣру, за Бога, за Церковь, чѣмъ за дѣла политическія. И, дѣйствительно, всякое политическое чувство у меня было какъ-то атрофировано. Я не питалъ почему-то никакой ненависти къ власти. Правда, впору было только нести тяготу тюремнаго сидѣнія. Надъ своими же собратями-союзниками, искренно желавшими скорѣйшей гибели этой власти, я шутилъ, говоря, что хотя за ними нѣтъ никакихъ политическихъ преступленій, но они страдаютъ справедливо. Власть угадала ихъ настроеніе и мысли и посадила за дѣло. Надо очиститься. Привыкли жить съ властью за одно. Попробуйте пожить безъ нея, какъ жили наши предки съ татарами или греки съ турками, а то, еще хуже, первые христіане съ Неронами и Діоклетіанами, за которыхъ умѣли молиться. А мы, вотъ, отстаемъ отъ истиннаго христіанства и не имѣемъ совѣмъ духа и жизни нашихъ отцовъ. Такъ разсуждалъ я.

Послѣ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ сидѣнія въ Бутырской тюрьмѣ, я имѣлъ, вдругъ, полторы недѣли свободы, и принесъ Патріарху привѣты и поклоны отъ заключенныхъ епископовъ и священниковъ.

Патріархъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ:

— Лучше сидѣть въ тюрьмѣ. Я вѣдь только считаюсь на свободѣ, а ничего дѣлать не могу: я посылаю архіерея на югъ, а онъ попадаетъ на сѣверъ; посылаю на западъ, а его привозятъ на востокъ.

Дѣятельность Патріарха Чека сводила на нѣтъ, не позволяя назначеннымъ имъ архіереямъ даже доѣхать до своихъ епархій и направляя ихъ въ мѣста заключенія и ссылки.

Однако, то время было все же счастливое. Церковь была крѣпка. Сила и превосходство Церкви надъ врагами ея были совершенно очевидны.

Архіереи, недостигшіе своихъ каѳедръ или бывшіе на нихъ по три недѣли, по мѣсяцу, точно также, какъ и пробывшіе на нихъ многіе годы, и находившіеся теперь въ ссылкахъ, лагеряхъ и тюрьмахъ, числились на своихъ епархіяхъ и имена ихъ поминались за богослуженіемъ, какъ полагается, въ каждомъ храмѣ. Кто ихъ могъ забыть теперь? Имъ, какъ и заключеннымъ священникамъ, посылали безчисленныя и неоцѣненныя по содержанию письма: вся любовь паствы, вся благодарность за стойкость и мужество, все преклоненіе предъ невинными страданіями своихъ духовныхъ вождей были въ нихъ излиты. Между пастырями и пасомыми завязались такія отношенія, какія были только въ первые вѣка жизни Христовой Церкви. Не знаю, имѣлись ли еще въ исторіи Вселенской Церкви случаи такого широкаго и глубокаго духовнаго подъема. Каждый христіанинъ почиталъ своимъ долгомъ, на записочкѣ «о здравіи» своихъ родныхъ, подаваемой на литургію, записать прежде всего имя заключеннаго своего архіерея или священника. И діаконъ, читая на эктеніи эти записки, множество разъ помянетъ вслухъ всей Церкви самое слово «заключенный» и имя его. Церковь скорбѣла и прилежно молилась за своихъ страдальцевъ. А когда архіерей, по отбытіи срока заключенія или ссылки, возвращался, — правда, очень часто, всего на нѣсколько недѣль, — въ свой городъ, то торжество народа было неопишумымъ. Осыпали цвѣтами и слезами его путь и за счатъе считали цѣловать край его рясы. Я, маленькій священникъ своего прихода, за полторы недѣли своей свободы, такъ былъ обремененъ изліянiami благодарности, любви и всякаго почитанія, которые спѣшилъ мнѣ принести каждый прихожанинъ, что когда очутился въ арестантскомъ вагонѣ и въ пересыльныхъ тюрьмахъ на пути въ Соловки, то почувствовалъ, что отдыхаю, и тяготу тюремную нашель болѣе сильной, чѣмъ перенесеніе незаслуженныхъ почета и любви. Я совершенно не

предполагаль, что дѣло мое такъ цѣнно въ глазахъ народа. Но за то Чека страшно злобствовала. Власть большевистская оставалась безсильною предъ Церковью, хотя одна только моральная сила Церкви противостояла ей грубому физическому насилию.

Впрочемъ, большевики, это сознавали и никогда не хотѣли бороться съ Церковью однимъ только насиліемъ. Имѣя цѣлью уничтожить Церковь, какъ и всякую религію, большевистская власть открыто говорила что этой цѣли сразу достигнуть нельзя, такъ какъ религія имѣетъ глубокіе корни въ широкихъ народныхъ массахъ.

Хотя Патріархъ открыто сталъ противъ большевиковъ съ начала революціи и предалъ ихъ анаѣмѣ (церковному отлученію), онъ, однако, долго оставался безнаказаннымъ. Не такъ просто было удалить его. За нимъ была вѣрующая масса. Но и, кромѣ того, удаливъ Патріарха, ради этой же вѣрующей массы нельзя было оставить Церковь совсѣмъ безъ управленія. Съ Церковью все время приходилось считаться, какъ съ опредѣленною силою не только у себя, но и для заграницы. Поэтому, доколѣ Церковь не могла быть уничтожена, большевики хотѣли ее использовать въ своихъ цѣляхъ. Имъ нужно было для этого овладѣть церковно-административнымъ аппаратомъ, найти церковную власть во всемъ послушную себѣ. Церковь должна была идти на поддержку и услуги новому государству. Патріархъ на это не шелъ, не поддавался, противопоставлялъ всю Церковь новой власти, подстрекалъ народъ противъ нея. По мнѣнію власти, растолкованному въ печати на разные лады, Церковь была полна контръ-революціи. Только здѣсь сосредоточивались теперь контръ-революціонныя силы страны, ибо онѣ вездѣ уже были сломлены. За Церковью была очередь. Ее нужно было очистить отъ контръ-революціи.

Къ моменту ареста Патріарха большевики не только достаточно травили его въ печати по дѣлу изыятія церковныхъ цѣнностей, но выбрали въ Петроградѣ, а потомъ въ Москвѣ, священниковъ и одного-двухъ епископовъ, которыми и возглавили Церковь тотчасъ послѣ ареста Патріарха. Эта правящая группа духовенства сначала носила названіе «Живой Церкви», а потомъ — «обновленцевъ». Управление ихъ носило названіе «Высшаго Церковнаго Управленія», а потомъ и донинѣ — «Священнаго Синода».

Большевики, пока сидѣлъ Патріархъ въ заключеніи, использовали новую церковную власть полностью. Обновленцы сдѣлали все, что властямъ было угодно. Ими было объявлено о новомъ курсѣ церковной жизни ввиду полного мира Церкви съ государственною властью; признается справедливость соціальной революціи, къ которой Церковь идетъ навстрѣчу и ее поддерживааетъ, а себя очищаетъ отъ всякой

контръ-революціи и борется съ контръ-революціонерами. Для заграницы обновленцы объявили, что еще никогда Церковь не пользовалась такою свободою какъ теперь, что гоненій нѣтъ на религію, а есть только справедливое преслѣдованіе контръ-революціонеровъ церковниковъ. Къ примѣру, вотъ они, обновленцы, отказавшись отъ контръ-революціи, пользуются полною свободою религіозною. На средства, отпущенные государствомъ, обновленцы собрали церковный соборъ и на немъ объявили заключеннаго Патріарха низложеннымъ, лишеннымъ своего сана и монашества. Государственная власть добилаь чего хотѣла: получила угодную ей церковную власть, которая сказала всѣ слова и совершила всѣ дѣла, нужныя ей.

Но союзъ новаго церковнаго управленія съ безбожною государственною властью оказался для церковной народной массы неприемлемымъ. Никто не повѣрилъ, что жизнь Церкви благоустроится подчиненіемъ ея безбожникамъ. Это — отдача козлу огорода. Всѣмъ было извѣстно, что власть большевистская сама поставила новую власть церковную и ее поддерживаетъ. Поэтому, обновленческому управленію въ Церкви никто не хотѣлъ подчиняться. Такимъ образомъ, овладѣть церковнымъ народомъ, массою вѣрующихъ большевикамъ не удавалось. Они владѣли какимъ-то церковнымъ управленіемъ, которому некому было управлять. Сама Церковь не оказалась въ ихъ рукахъ. Относительная свобода обновленцевъ никого не соблазняла. Покровительство власти, полицейское содѣйствіе по захвату храмовъ у православныхъ, личная неприкосновенность обновленцевъ, хотя многіе изъ нихъ имѣли контръ-революціонное прошлое, — все это было только опорочивающимъ пятномъ на обновленцахъ. Союзъ обновленцевъ съ безбожниками позорилъ обновленцевъ. Обновленческое управленіе, объявившее своею цѣлью борьбу съ контръ-революціей въ Церкви, являлось въ глазахъ народа филиальнымъ отдѣленіемъ Чеки въ Церкви, и сами обновленцы, эти несчастные епископы и священники, — людьми безъ совѣсти и чести, безбожниками и чекистами въ рясахъ. Невозможно описать всѣхъ случаевъ выраженія народныхъ презрѣнія и ненависти къ обновленцамъ.

Однако, неподчиненіе обновленцамъ, поддерживающимъ государственную власть и этою властью поддержанныхъ, означало контръ-революцію, неподчиненіе самой власти. Черезъ организацію обновленчества большевикамъ и удалось такую контръ-революцію обнаружить въ Церкви. Всякій, не признающій обновленческаго управленія въ Церкви, являлся контръ-революціонеромъ.

Вездѣ, во всѣхъ уголкахъ обширной страны, происходили бурныя церковныя собранія, гдѣ уполномоченные обновленцевъ (кто-нибудь изъ мѣстныхъ священниковъ) пытались склонить народъ принять новую церковную власть. И только открытымъ насиліемъ гражданской власти удавалось захватить тотъ или

другой храмъ для обновленческаго священника. Вездѣ начались аресты духовенства и дѣятельныхъ мірянъ на почвѣ непризнанія церковной власти, поставленной большевиками.

Но никто изъ привлекаемыхъ къ отвѣту не говорилъ, что не признавая обновленчества, онъ не признаетъ власти гражданской. Политическія обвиненія ставились, но ихъ всѣ отвергали и защищались тѣмъ, что обновленцы неканоничны, церковно незаконны: они, прежде всего, есть самочинники, захватившіе церковную власть во время заключенія Патріарха. При этомъ, конечно, дѣлался видъ, что продѣлали это сами обновленцы, а власти здѣсь непричемъ. Далѣе, они, обновленцы, незаконно завели реформы: разрѣшили второй бракъ вдовымъ клирикамъ и принятіе епископскаго сана женатымъ священникамъ, что запрещено вселенскими соборами Церкви и ими только можетъ быть разрѣшено. Обновленцы же печатно (и, конечно, устно) увѣряли большевистскую власть, что каноны — только ширма для ихъ противниковъ, за которою они скрываютъ свою контръ-революцію. Множествомъ неканоническихъ примѣровъ изъ церковной исторіи они пытались доказать свою каноничность и право на эти реформы и на захватъ власти. Историческіе примѣры имъ показывали, что и большія, чѣмъ ихъ, незаконія не разъ благополучно сходили съ рукъ. Власть гражданская была увѣрена вмѣстѣ съ обновленцами, что это именно такъ, и потому аресты, и политическія обвиненія, и тюрьма, и ссылка, не смотря на ярую самозащиту обвиняемыхъ и отреченія ихъ отъ всякой политики, продолжались. Такъ обстояло дѣло къ моменту освобожденія Патріарха изъ заключенія, таковымъ оно осталось и при немъ.

Хотя Патріархъ считался и писался у обновленцевъ и у властей «бывшимъ» Патріархомъ, Церковь съ его выходомъ изъ заключенія получила своего дѣйствительнаго главу и свое главное подкрѣпленіе. Съ выходомъ его на свободу, положеніе обновленцевъ настолько поколебалось, что не будь вмѣшательства власти, еле удержавшей страхомъ жестокаго насилія часть его прежняго состава, оно бы цѣликомъ пало. Часть отпавшихъ архіереевъ и множество священниковъ имѣли мужество покаяться и вернуться изъ обновленчества въ Православіе. Множество храмовъ, изъ захваченныхъ обновленцами, отбиралось православными обратно. Обновленцы принуждены были для сохраненія себя уже, а не ради только борьбы съ контръ-революціей, доносить въ Чека на своихъ противниковъ. На первомъ же моемъ допросѣ я увидѣлъ (вѣрнѣе, подсмотрѣлъ) въ рукахъ слѣдователя въ моемъ «дѣлѣ», среди сводокъ чекистовъ, два доноса на себя: одинъ, краткій, — епископа Антонина (Грановскаго), перваго предсѣдателя обновленческаго Управленія, нынѣ покойнаго, другой, — на двухъ почтовыхъ листахъ, прочитанный мною потомъ въ копіи, — протоіерея Р. Я ужаснулся такой дѣятельности моихъ

старыхъ личныхъ знакомыхъ. Впрочемъ, оба они были изгнаны народомъ изъ моего прихода и храма: одинъ, — прѣхавши послужить, другой, — какъ членъ причта-обновленецъ. Они не могли простить мнѣ своего позора. Однако, на допросахъ я долженъ былъ дѣлать видъ, что въ моемъ сидѣніи обновленцы не виноваты. Не можетъ же власть сажать меня за непризнаніе какихъ-то обновленцевъ. Какое ей дѣло до нашихъ внутрицерковныхъ дѣлъ? Но я не умѣлъ сдѣлать такого вида и самъ себя наказаль.

На допросѣ мнѣ, между прочимъ, ставилось въ обвиненіе, что я будто-бы говорилъ, что Чека поддерживаетъ обновленцевъ.

— Нѣтъ, этого я не говорилъ, — отвѣтилъ я, — а, наоборотъ, другое бы могъ сказать: что обновленцы помогаютъ Чека.

— Какъ вы можете такъ говорить? — вцѣпился въ меня слѣдователь.

Я указаль, что объ этомъ открыто говорится въ совѣтской печати и указаль журналъ, гдѣ объ этомъ читаль [3].

Слѣдователь записаль мою цитату. Послѣ этого, онъ со мною больше на эту тему не разговариваль, и хотя въ истинѣ моихъ словъ убѣдился, но поставилъ мнѣ новую статью закона, преслѣдующую «распространеніе ложныхъ слуховъ противъ совѣтской власти» съ цѣлью ея дискредитированія. Итакъ, хотя «ложный слухъ» о томъ, что обновленцы помогаютъ Чека и такъ вездѣ былъ «распространень», а въ проповѣди я, конечно, объ этомъ никогда не говорилъ и впервые «распространяль» этотъ «слухъ» предъ моимъ слѣдователемъ, и, наконецъ, именно авторъ указанной мною статьи журнала и подлежалъ первый обвиненію по закону, я не избѣжалъ своей участи, оказался контръ-революціонеромъ.

Опираясь на обновленчество, власть преслѣдовала православныхъ, и чтобы освободиться отъ тюрьмы нужно было объявить о своемъ переходѣ въ обновленчество; по крайней мѣрѣ, иногда было достаточно для нѣкоторыхъ только похулить Патріарха и пообѣщать дѣйствовать противъ него, хотя бы и въ составѣ православныхъ. Были и таковыя. Выборъ былъ данъ для всѣхъ и соблазнъ уже теперь былъ. Обновленчество освобождало отъ репрессій и устоять было не легко. Уже сидя въ тюрьмѣ и остро временами переживая всю трудность этого дѣла, я не разъ простилъ обновленцамъ ихъ паденіе и научился считать одною милостью Божіею хожденіе по путямъ правды. Соблазнъ приходилъ съ разныхъ сторонъ. Послѣ мѣсяцевъ тюрьмы, меня вдругъ освободили и, предупредивъ, что на этой недѣлѣ мое дѣло рѣшится, намекнули, что отъ меня зависитъ моя дальнѣйшая судьба. Тѣмъ, что я не пошелъ за эту недѣлю, или десять дней, къ обновленцамъ, и

не искалъ ихъ заступничества, но былъ у Патріарха и даже служилъ съ нимъ, я и опредѣлилъ себя на годы заключенія. Таковъ, приблизительно, путь и всѣхъ другихъ. Каждый зналъ, что могъ не сидѣть въ тюрьмѣ, а если сидѣлъ, то по доброй волѣ. Моя жена, во время грустныхъ нашихъ тюремныхъ свиданій, говорила мнѣ:

— Почему другіе не сидятъ, а умѣютъ избѣгать тюрьмы?

Она разумѣла тѣхъ, кто побывалъ въ обновленчествѣ, а когда острый моментъ борьбы миновалъ, вернулись подъ давленіемъ народа въ Православіе и для власти ничего изъ себя не представляли. Я отвѣчалъ ей:

— Неужели ты хочешь, чтобы я былъ безчестнымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, — говорила она, и замолкала по этому вопросу.

Другихъ священниковъ, жены ихъ, во избѣжаніе тюрьмы, сначала же увлекли въ обновленчество и больше изъ него не выпустили. Впрочемъ, знаю и обратный случай. Знакомый мнѣ священникъ за отказъ отъ обновленчества сидѣлъ въ тюрьмѣ. Ничего ему не стоило и освободиться. Но жена во время свиданій заявляла ему, что она больше не въ силахъ переносить прежней жизни и обновленцемъ онъ пусть не возвращается домой.

Моя мать издалека прислала мнѣ въ тюрьму записочку, которую я могъ получить и читать уже во время моего временнаго освобожденія. Мать писала мнѣ, что благословляетъ меня сидѣть въ тюрьмѣ и не ослабѣвать духомъ, все терпѣть и не сдаваться. Я плакалъ отъ радости.

Такъ, одна моральная сила противостояла жестокому насилію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и, въ силу этого и вмѣстѣ съ этимъ, въ жизни цѣлой Церкви. Другихъ силъ и средствъ у Церкви, у всѣхъ ея членовъ больше не было. Она имѣла оружіе, котораго врагъ не могъ выбить изъ ея рукъ и противъ котораго былъ безсиленъ. Только самимъ оставалось его не бросить, не выпустить изъ рукъ.

Попытка большевиковъ черезъ обновленцевъ овладѣть Церковью имъ не удалась. Церковь сопротивлялась; она не принимала власти большевиковъ надъ собою, хотя бы въ лицѣ обновленцевъ, ихъ послушныхъ во всемъ агентовъ. Патріархъ, выйдя на свободу, увидѣлъ еще разъ всю нравственную силу церковнаго народа, и говорилъ моему знакомому и своему близкому и старому другу:

— Читая въ заключеніи газеты, я съ каждымъ днемъ все больше приходилъ въ ужасъ, что обновленцы захватываютъ Церковь въ свои руки. Если бы я зналъ, что ихъ успѣхи такъ ничтожны и народъ за ними не пошелъ, я бы не вышелъ изъ тюрьмы.

То есть, никогда бы никаких покаяний предъ властью Патріархомъ не было бы принесено и не было абсолютно никакихъ другихъ достаточно серьезныхъ причинъ побудить его къ этому, если бы не обновленчество, захватившее церковную власть въ свои руки и безчинствовавшее въ Церкви. Но и обновленчество его бы не понудило на такой акт примиренія съ большевиками если бы онъ въ своемъ заключеніи зналъ о нихъ правду. Газеты, дѣйствительно, лгали объ ихъ значеніи и, конечно, нарочно подсовывались ему агентами Чеки для полученія отъ него этого акта примиренія съ властью, который власти былъ такъ нуженъ.

Патріархъ признавался своему другу, что на помощь своему главному мотиву искать освобожденія онъ принималъ и то соображеніе, что наконецъ появился законъ, революціонный хаосъ всякаго беззаконія, повидимому, кончился и, ему казалось, что предъ нимъ находится настоящая государственная власть, ради которой можно было, не кривя душою, отказаться отъ своего прежняго курса.

Однако, оказалось, что прежнія отношенія власти къ церкви не измѣнились къ лучшему, хотя Патріархъ и сдалъ свои позиціи. Добиться отъ Патріарха сдачи его политическихъ позицій для власти было мало. Патріархъ управлялъ Церковью, власть надъ Церковью была въ его рукахъ. Большевикамъ надо было снова вести борьбу за полученіе вліянія на ходъ церковныхъ дѣлъ, въ которыхъ Патріархъ и теперь не былъ ихъ послушнымъ орудіемъ, что они имѣли въ обновленцахъ. Предъ большевиками оставалась ихъ прежняя цѣль — овладѣть дѣйствительнымъ церковно-административнымъ аппаратомъ. Черезъ обновленчество имъ это вовсе не удалось: главная церковная масса народа и духовенства выскользнула изъ рукъ обновленцевъ. Искусственно созданное управленіе церковное не имѣло силы, вліянія, авторитета и вообще значенія ни для своихъ массъ, ни для заграницы. Въ этомъ смыслѣ власть получила въ обновленствѣ не мало разочарованій, надежды на него оказались далеко не оправданными, что агенты Чека не стѣснялись подчасъ высказывать нѣкоторымъ іерархамъ Церкви.

Правда, создавъ обновленчество, власть добились раскола въ Церкви. Обновленцы — вторая церковь, имѣющая свой отдѣльный епископатъ, духовенство, свои храмы и ту часть народа, которой не было никакого дѣла до принципиальныхъ разногласій, лишь бы богослуженіе оставалось старымъ, которымъ они и удовлетворялись у тѣхъ же обновленцевъ. Въ свое время устроивъ расколъ, большевики ликовали въ печати, объявляя, что, наконецъ, въ единомъ фронтѣ церковниковъ пробита брешь, въ которую они, безбожники, и должны устремиться для уничтоженія Церкви. Расколъ въ Церкви и помощь Чекѣ по борьбѣ съ церковной контръ-революціей — вотъ заслуги обновленчества, признанныя за нимъ совѣтскою печатью. Но получить вліяніе на церковныя дѣла или авторитетный голосъ Церкви на свою сторону, пока

это полезно, а также окончательно низложить ее или подорвать всякій авторитет русской Церкви, большевики могли только въ лицѣ Патріарха, черезъ управленіе Патріарха, имѣвшаго такіе авторитетъ и значеніе.

Агенты власти и вели непрестанную борьбу съ Патріархомъ, пытаясь подчинить его своему вліянію, склонить на поступки, полезные для власти и вредные для Церкви. Патріарха упрашиваютъ написать отвѣтъ Архіепископу Кентерберійскому, что Церковь въ Россіи пользуется полною свободою и никакихъ гоненій нѣтъ. Не смотря на постоянныя приставанія, Патріархъ откладываетъ это дѣло, и такъ и не пишетъ. Почти въ то же время Патріарха уговариваютъ ради пользы Церкви, ради упорядоченія отношеній государства и Церкви, отречься отъ власти, и уже успѣваютъ склонить на эту точку зрѣнія одного-двухъ ближайшихъ къ нему архіереевъ. Однако, единогласнымъ рѣшеніемъ большинства архіереевъ Патріархъ удерживается отъ этого пагубнѣйшаго для Церкви акта. Отъ Патріарха требуютъ смѣщенія съ каѳедры не угодныхъ власти архіереевъ. Только въ одномъ случаѣ Патріархъ уступилъ было, но вслѣдъ за этимъ снова возстановилъ лишеннаго каѳедры архіерея. Власть требовала чтобы онъ завелъ новый стиль въ Церкви. Стиль этотъ не принималъ народъ и у обновленцевъ онъ также не прошелъ, но тѣмъ болѣе онъ необходимъ былъ властямъ для дискредитированія Патріарха.

Архіепископу Иларіону, ближайшему сотруднику Патріарха, въ первые мѣсяцы послѣ освобожденія послѣдняго, агентъ власти говорилъ:

— Уговорите Патріарха завести новый стиль. Неужели онъ не можетъ сдѣлать маленькой уступки власти? Если совѣтская власть завела этотъ стиль, то пусть и Церковь покажетъ, что она солидарна съ нею.

Въ то же время при встрѣчѣ съ другимъ архіереемъ этотъ же агентъ власти говорилъ:

— Вы слышали, что Патріархъ заводитъ новый стиль? Для чего это? Кому это нужно? Неужели вы согласитесь съ нимъ? Отдѣлитесь отъ Патріарха; васъ вся Москва любитъ и за вами пойдетъ. Мы васъ поддержимъ...

Агентъ власти требовалъ, чтобы въ Управленіи Патріарха былъ человекъ, которому власть довѣряетъ, и предлагалъ принять въ общеніе протоіерея, вождя группы «Живая Церковь», отошедшаго отъ обновленческаго Управленія. Отмѣнить свое постановленіе о принятіи этого человека Патріархъ только тогда имѣлъ предъ властью достаточное основаніе, когда послѣдовали протесты клира и народа по

поводу его принятія. Вообще, опираясь на мнѣніе народа еще можно было кое-какъ отклонять отъ себя разныя предложенія власти.

Мнѣ извѣстенъ одинъ батюшка, который уклонялся отъ обновленчества такимъ доводомъ своимъ мѣстнымъ чекистамъ:

— Я-бы съ удовольствіемъ пошелъ въ обновленчество, мнѣ все равно, никакого различія не вижу, но приходъ меня выгнать, останусь безъ куска хлѣба.

Хорошо, что это была сущая правда, и не онъ вліялъ на приходъ, а приходъ на него. Чека это знала и оставляла его на свободѣ.

Но отъ Патріарха требовалось еще и самому руководить, вліять, направлять. Поэтому Чека и стремилась овладѣть его волею. Однако, Патріархъ шель добрымъ путемъ. При немъ Церкви легко было нести крестъ свой, потому-что вся тяжесть креста этого падала на его плечи. Большевистская власть не выпускала его изъ атмосферы своихъ лжи, провокаціи, обмана, клеветы, сѣянія раздоровъ, расколовъ, недоувѣрія. Патріархъ постоянно долженъ былъ разгадывать тайные и злые замыслы и намѣренія, скрывающіеся подъ всякими благовидными предложеніями власти. Врагъ дѣйствовалъ то посулами, то угрозами, и не ему самому, — это были бы совершенные пустяки! — а Церкви. То онъ обѣщаетъ прекратить аресты духовенства, освободить заключенныхъ или вернуть изъ ссылки такихъ-то нужныхъ Патріарху епископовъ, или дать разрѣшеніе на духовныя печать и образованіе, на свободу сѣздовъ и епархіальнаго управленія, то угрожаетъ оставить всѣ репрессіи въ силѣ и еще прибавить. Патріархъ страдалъ. Онъ встрѣчалъ и слушалъ своего врага съ крайнимъ напряженіемъ нервовъ. Когда Патріарху докладывали о пріѣздѣ агента власти, Патріархъ былъ внѣ себя отъ раздраженія и волненія, что, казалось, было совершенно несвойственно его характеру и темпераменту.

Я помню его въ дни его ареста, предъ заключеніемъ. Въ послѣднюю его, на свободѣ, литургію [4], я сослужилъ ему въ храмѣ села Богородскаго въ Москвѣ. Поздно ночью, нредъ этимъ, онъ вернулся изъ Чеки. Его только что долго и жестоко допрашивали. Дома, своимъ приближеннымъ, измученнымъ ожиданіемъ, Патріархъ сказалъ:

— Ужъ очень строго допрашивали...

— Что же вамъ будетъ? — спросилъ одинъ съ тревогою.

— Обѣщали головку срубить, — отвѣтилъ Патріархъ съ обычнымъ своимъ благодушіемъ.

Литургію онъ служилъ — какъ всегда: ни малѣйшей тѣни нервности или хотя бы напряженія въ молитвѣ. Глядя на него, приготовляющагося къ тюремѣ, а можетъ быть, и къ казни (тогда это было серьезно), я невольно вспомню слова Христовы: «идеть князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего». Пусть обвиняютъ, ничего не найдутъ, онъ будетъ невиненъ. Такъ я думалъ и на эту тему говорилъ проповѣдь за литургією. Благословляя меня на проповѣдь, Патріархъ шепнулъ:

— Ихъ-то не затрогивай...

Знаю, что жалѣетъ проповѣдника. Не за себя, а за тѣхъ, кто около него рискуетъ собою, онъ боится. Но не помню, что бы кто-либо, кому выпадалъ случай проповѣдывать за патріаршею службою утаивалъ въ словѣ своемъ правду. Какъ-то всегда и всѣми говорилось то, что надо, что соотвѣтствовало лицу Патріарха, не взирая ни на какіе страхи.

Были дни торжества по случаю его освобожденія. Народъ и радовался о немъ, и скорбѣлъ о Церкви. Патріархъ былъ все такъ же спокоенъ. Что могло случиться съ Церковью или съ нимъ самимъ безъ благой на то воли Божіей? Ничего. Тайна духовнаго покоя и духовнаго здоровья истиннаго православнаго христіанина и его, конечно, перваго, именно въ этомъ.

Вспоминаю одного епископа, который сидѣлъ со мною въ тюремѣ. Онъ, на вопросъ чекистовъ, како-го онъ мнѣнія о Патріархѣ, отвѣтилъ:

— Я реально ощутилъ его святость...

Это привело чекистовъ въ бѣшенство и дѣло объ его ссылкѣ было тотчасъ рѣшено.

Наконецъ, я вижу Патріарха послѣ своего выхода изъ тюрьмы, когда принесъ ему поклоны союзниковъ. Патріархъ по прежнему былъ добрѣ и благодушенъ, но такой худенькій, измученный, что, прощаясь съ нимъ, я заплакалъ отъ чувства жалости. Преклонивъ мою голову къ своей груди, Патріархъ спросилъ:

— Чего же ты плачешь?

Я, совершенно неожиданно для себя самого, отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что я больше васъ не увижу...

Конечно, Патріарха я видѣлъ предъ собою весьма недолговѣчнымъ, а внутри меня была увѣренность, что я долго на свободѣ не прохожу. Патріархъ разсмѣялся и сказалъ:

— Ну, гора съ горой не сходится, а человекъ съ человекомъ сходится. Послужи завтра со мною.

Кстати сказать, въ бесѣдѣ съ Патріархомъ я ему покаялся, что, сидя въ тюрьмѣ, я не разъ мысленно осудилъ его за сдачу позицій большевикамъ. Патріархъ благодушно прощалъ меня и говорилъ о томъ, что его свобода хуже тюрьмы и самъ вспоминалъ свое сидѣніе, какъ лучшее время. На другой день я еще разъ сослужилъ Патріарху въ церкви великомученицы Анастасіи, что у Бутырской Заставы, затѣмъ былъ арестованъ и отправленъ въ Соловки и больше Патріарха не видѣлъ. Патріархъ умеръ. Его замучила, сожгла на медленномъ огнѣ своей сатанинской ненависти большевистская власть.

Въ соловецкомъ кладбищенскомъ храмѣ, оставленномъ для мѣстныхъ монаховъ, вольнонаемныхъ работниковъ при лагерѣ заключенныхъ, заключенное духовенство служило панихиду по Патріархѣ. Всѣ мы чувствовали тогда, что наступаетъ новый тяжкій періодъ жизни Церкви. Лица заключенныхъ нашихъ архіереевъ были не такъ грустны, какъ суровы и строги. Всѣ мы сознавали, что опасность надвигалась, а какая? въ чемъ? — никто не знаетъ, только опасность. Счастливый періодъ борьбы съ врагомъ, когда перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ, во всякомъ случаѣ, кончился. Это понималъ каждый.

Говорятъ, агентъ власти, заправляющій церковными дѣлами [5], по поводу смерти Патріарха былъ въ неописуемомъ восторгѣ. Примчавшись къ тѣлу только что усопшаго, онъ потиралъ руки и, съ трудомъ сдерживая радость, говорилъ:

— Хорошій былъ старикъ... Надо похоронить поторжественнѣй...

Послѣ похоронъ онъ призвалъ къ себѣ, въ ГПУ, двухъ митрополитовъ и вручилъ имъ такъ называемое «предсмертное завѣщаніе» — посланіе Патріарха со всякими его обѣщаніями въ пользу власти. Митрополитамъ предложено было свезти его въ редакцію газеты для напечатанія, что они и сдѣлали. Но никто изъ духовныхъ лицъ, окружавшихъ Патріарха, не былъ свидѣтелемъ того, чтобы Патріархъ подписывалъ

эту бумагу, хотя проэктъ этого «завѣщанія», предложенный властью, долго лежалъ на столѣ у Патріарха и былъ взятъ со стола агентомъ власти уже послѣ его смерти.

Не долго управлялъ мѣстоблюститель патріаршаго престола Митрополитъ Петръ. Онъ твердо зналъ, что никакія уступки съ его стороны не подкупаютъ власти. Власть все беретъ и ничего не даетъ, какъ говорилъ это и Патріархъ, поэтому разныя предложенія агента власти М. Петръ прямо отвергалъ и запросто выпроваживалъ агента изъ своихъ покоевъ. М. Петръ, наприимѣръ, говорилъ агенту такъ:

— Вы все лжете. Ничего не дадите, а только обѣщаете. А теперь потрудитесь оставить комнату: у насъ будетъ засѣданіе.

Такого неподатливаго главу Церкви и такое свое отстраненіе отъ церковныхъ дѣлъ озлобленный врагъ не долго могъ терпѣть. Митрополитъ былъ заключенъ въ тюрьму. Появился новый его замѣститель Митрополитъ Сергій. М. Петръ, зная, что ему недолго быть на свободѣ, предусмотрительно назначилъ себѣ замѣстителя. Церковь не осталась безъ управленія.

2.

Въ концѣ лѣта 1925 года, то есть, приблизительно черезъ полъ года послѣ смерти Патріарха и когда М. Петръ былъ уже въ заключеніи, союзникъ нашъ по Соловецкому лагерю Архіепископъ Иларіонъ [6] вдругъ неожиданно былъ изъятъ изъ нашей среды и отправленъ въ Ярославскую тюрьму. Мы понимали, что дѣлается это по какимъ-то соображеніямъ анти-церковной политики. Весною 1926 года Архіепископъ Иларіонъ опять былъ съ нами. Тюремныя новости его касались исключительно его разговоровъ съ агентомъ власти, вершителемъ судебъ Церкви, посещавшимъ его въ тюрьмѣ.

Агентъ склонялъ Архіепископа присоединиться къ новому расколу, такъ называемому, григорьевскому, который ГПУ [7] учинило по всѣмъ правиламъ обновленческаго: нашло недовольныхъ Митрополитомъ Петромъ, какъ прежде Патріархомъ, и, заключивъ М. Петра въ тюрьму, попыталось возглавить Церковь Архіепископомъ Григоріемъ и его Высшимъ Церковнымъ Совѣтомъ. Но у Церкви оказался свой законный епископъ М. Сергій, съ которымъ Церковь и осталась. Однако, произошла новая попытка захвата церковной власти, получились новыя отпаденія отъ Церкви и новый расколъ, поддержанный ГПУ. Видимо, агентъ хотѣлъ переходомъ въ расколъ такого популярнаго архіерея какъ Архіепископъ Иларіонъ, съ одной стороны дискредитировать его въ глазахъ одной части массы, а съ другой,

— усилить григорьевскій расколъ новыми силами, ибо за А. Иларіономъ многіе могли бы и пойти.

Архіепископъ Иларіонъ отвѣтилъ агенту, что по соображеніямъ церковныхъ канононъ онъ не можетъ признать въ Церкви самочинной захватнической власти Григорія.

Тогда агентъ сказалъ съ угрозою:

— Ну, подождите: я вамъ дамъ вашего, и если вы его не признаете, то тогда уже пощады не будетъ.

На всѣхъ насъ, многочисленныхъ слушателей нашего докладчика, эта фраза агента произвела большое впечатлѣніе и, конечно, встревожила насъ. Что это значило? Онъ дастъ намъ нашего, то есть, не каноническаго-ли, законнаго архіерея, но такого, которому мы, можетъ быть, тоже не пожелаемъ подчиниться? Тогда, естественно, пощады намъ не будетъ отъ власти. Но откуда же будетъ такой архіерей? и что онъ сдѣлаетъ? Наши разсужденія о планахъ агента на этотъ разъ намъ ничего не давали, хотя мы весьма привыкли къ тактикѣ ГПУ и часто угадывали событія. Мы всегда отдавали должное ГПУ: оно свое дѣло дѣлало лучше, умнѣе, чѣмъ мы свое.

Весною 1927 года, послѣ того какъ кончилось мое трехлѣтнее сидѣніе въ Соловецкомъ лагерѣ и я продолжалъ отбывать свое наказаніе въ ссылкѣ, въ Зырянскомъ краѣ, мы, ссыльные, получили письмо съ весьма важными сообщеніями. Митрополитъ Сергій имѣлъ многозначительную бесѣду съ агентомъ ГПУ. Агентъ жаловался на то, что союзъ власти съ обновленцами власти ничего не далъ, а союзъ съ Православною Церковью до сего времени не налаженъ. Митрополитъ съ своей стороны сѣтовалъ, что Церковь до сего времени не имѣетъ легальнаго центрального управления. Вообще, обѣ стороны установили, что существующія отношенія Церкви и государства не выгодны для нихъ. Тогда агентъ предложилъ условія, съ принятіемъ и осуществленіемъ которыхъ церковное управление получитъ легализацію, свой журналъ и прочія свободы. Митрополитъ долженъ организовать при себѣ коллегію для управления или Синодъ; всѣ дѣла канцеляріи Синода всегда должны быть открыты для агентовъ ГПУ; назначенія архіереевъ на мѣста должны происходить съ вѣдома и согласія ГПУ; митрополитъ долженъ издать посланіе къ Русской Церкви, соответствующее новому курсу ея жизни, и долженъ обратиться къ заграничной русской церкви съ предложеніемъ прекратить противосовѣтскую пропаганду и дать обязательство въ лойяльности къ совѣтской власти. Митрополитъ на всѣ эти условія согласился.

Судя по внѣшности, во всѣхъ этихъ условіяхъ ничего особеннаго не было. Требованія эти вполнѣ естественны для государства, а если еще сравнить первые пункты этого договора съ практикой Церкви во времена царской власти, то ничего новаго и совсѣмъ не было. Однако, такова была только внѣшность договора, сущность же его была весьма печальна для Церкви, если не сказать сразу, ужасна. Мы эту сущность отлично понимали. Всѣ эти условія такъ или иначе не разъ ставились и Патріарху и его преемникамъ и до сего времени отклонялись ими. Согласиться на эти условія это означало сдать власть надъ Церковью въ руки ГПУ, въ руки безбожниковъ. Учрежденіе Синода, котораго почти не было въ послѣднее время при Патріархѣ и уже совсѣмъ не было при Митрополитахъ Петрѣ и Сергіи, ГПУ добивалось теперь для того, чтобы всегда имѣть въ церковномъ управленіи своего человѣка, участника всѣхъ дѣлъ, доносчика и проводника заданій ГПУ. Это намъ было уже извѣстно изъ практики Синода при Патріархѣ. Частые аресты и долгое заключеніе архіереевъ не позволяло имѣть правильный по закону составъ Синода, а составлять его изъ лицъ случайно пребывающихъ на свободѣ, а то, — еще хуже, — далеко не случайно, заставляло М. Петра сознательно избѣгать созыва Синода. Единоличное управленіе при М. Петрѣ и первое время при М. Сергіи, которые совѣтывались о текущихъ дѣлахъ съ кѣмъ хотѣли или имѣли возможность безъ особаго постояннаго учрежденія, спасало отъ вмѣшательства безбожной власти въ дѣла Церкви. Гарантировать себя отъ неожиданныхъ выступленій первоіерарха, связать его волю, ограничить ее и, главное, направить ее по извѣстному руслу, ГПУ могло только чрезъ Синодъ, составъ котораго сама жизнь заставляла имѣть только изъ лицъ угодныхъ ГПУ. Далѣе, контроль надъ канцеляріей патріаршаго управленія означалъ, что эта канцелярія будетъ служить политическому сыску, а также волей-неволей и доносу на всѣхъ и на все, что можетъ показаться неблагонадежнымъ для нашей болѣзненно подозрительной и вѣчно борющейся за свое существованіе власти. Назначеніе же епископовъ на кафедры и лишеніе ихъ таковыхъ безраздѣльно попадало въ руки ГПУ. Податливые, сговорчивые, слабые архіереи получаютъ епархіи, а умные, дѣятельные, стойкіе, просто проповѣдники и защитники религіи будутъ ихъ лишены. Это такъ очевидно. На то ГПУ и есть ГПУ, то есть, Государственное Политическое Управленіе, что-бы и здѣсь выполнять политику государства въ отношеніи къ религіи: ослаблять и уничтожать религію. Что касается нашего отношенія къ заграничной русской Церкви, то этимъ вопросомъ не разъ испытывалось наше церковное Управленіе, и тотъ же М. Сергій уже разъ отвѣчалъ власти, что фактически заграничная русская церковь не подчинена Москвѣ и представители ея не подлежатъ осужденію за ту или иную свою дѣятельность, такъ какъ не могутъ и явиться на судъ, что требуется по церковному закону. Но, конечно, власть понимала это такъ, что церковники желаютъ дать свободу эмигрантамъ

заниматься контръ-революціей и этому ихъ дѣлу всегда искренно сочувствуютъ, а потому этой формулой желаютъ отдѣлаться отъ щекотливаго вопроса, хотятъ остаться одновременно и контръ-революціонерами и людьми политически благонадежными въ глазахъ своей власти, вобщемъ, занимаются дипломатіей. Власть опредѣленно требовала категорически осудить зарубежную контръ-революцію. Но власть на этомъ вопросѣ не только насъ выявляла: мы для нея — уже ничтожество, мы — въ ея рукахъ и нашей контръ-революціи она не боится. Власть преслѣдовала чрезъ Церковь свои политическія цѣли и, требуя отъ насъ отреченія отъ одной политики, заставляла служить другой. Для людей, желающихъ отречься отъ всякой политики, соглашаться на требованіе власти, хотя бы и подъ угрозой обвиненія въ контръ-революціи, не слѣдовало. Однако, если церковное управленіе хотѣло не на словахъ, а на дѣлѣ отстранить отъ себя такое обвиненіе, оно должно было опредѣленно осудить зарубежную церковную контръ-революцію. М. Сергій на это соглашался. Каково будетъ посланіе М. Сергія къ Церкви, мы отлично представляли. Этихъ посланій столько было, и его посланіе будетъ не лучше, чѣмъ обновленческія. Впереди — ложь, и стыдъ, и позоръ нашъ. И все это ради чего? Ради легализаціи. Власть соблазнила М. Сергія легализаціей. Оказывается, Церковь съ многомилліоннымъ составомъ членовъ существовала на нелегальномъ положеніи, внѣ закона, при совѣтской власти, въ то время, уже почти десять лѣтъ, и власть этому беззаконію попускала, его не только терпѣла, но съ Церковью считалась и за ея голосомъ признавала силу, ее склоняла на свою сторону. На что намъ эта легализація?! Лучше того, чѣмъ безъ легализаціи, съ легализаціею не будетъ, а хуже теперь будетъ: слишкомъ велика цѣна, за которую легализація покупается.

Такъ разсуждали мы, ссыльные, при первыхъ извѣстіяхъ о договорѣ между нашимъ митрополитомъ и агентомъ ГПУ мѣсяца за три-четыре раньше появленія посланія М. Сергія къ русской Церкви и, такъ сказать, явнаго выполненія этого тайнаго договора. Наши эти свѣденія практически намъ мало помогли: мы не знали что дѣлать. Проявить свои тѣ или иныя отношенія къ М. Сергію мы не имѣли права, такъ какъ онъ ничего еще не сдѣлалъ. Надо было сидѣть и ждать что будетъ. Я ограничился извѣщеніемъ всѣхъ, кого можно, о происшедшемъ.

Итакъ, ко времени такого выступленія М. Сергія слишкомъ много уже было пережито и продумано всею Церковью, что бы имѣть къ его выступленію какое-нибудь другое отношеніе, кромѣ отрицательнаго. Впрочемъ, если согласоваться не съ опытомъ Церкви, а со своими нервами, которые у нѣкоторыхъ порядочно износились въ борьбѣ, то можно было выразить и менѣе отрицательныя сужденія, каковыя, вполслѣдствіи, этими нѣкоторыми и выражались. Но остановимся на

нашихъ опытахъ и наблюденіяхъ церковной жизни, и, волей-неволей, на моихъ лично впечатлѣніяхъ прежде всего.

Я старался быть аполитичнымъ. Я увлеченъ былъ первохристіанскимъ идеаломъ. Я считалъ, что мы твердо должны стоять только за Церковь и вѣру, отказываясь отъ всякой политики, и страдать отъ гоненій власти только невинно, ибо обвиненія въ контръ-революціи хотя и должны быть, но они должны быть всегда ложными, несправедливыми. Я считалъ обязательнымъ для себя и для всѣхъ твердо всегда помнить, что врагъ имѣетъ въ виду уничтожить Церковь, поэтому страданія за Церковь неизбѣжны и всякія соглашенія съ властью есть попытка избѣжать страданій, есть измѣна Церкви, есть паденіе въ сѣти большевистскаго соблазна. Твердость, непримиримость, безкомпромиссная борьба за Церковь съ врагами ея — вотъ наше дѣло.

Когда вырабатывалось такъ называемое «посланіе соловецкихъ епископовъ», которое было написано не безъ надежды на какое-то соглашеніе съ властью, но, правда, безъ ущерба для Церкви, съ сохраненіемъ ея достоинства, вслѣдъ за прочтеніемъ проэкта этого посланія, читалъ и я свой проэктъ. Соловецкое посланіе предусматриваетъ отказъ власти идти на указанные имъ условія примиренія съ Церковью и приѣмлетъ дальнѣйшій путь страданій. Въ моемъ проэктѣ посланія, отъ лица первоіерарха къ власти, всесторонне устанавливается предъ властью фактъ ея открытаго гоненія на Церковь, фактъ, ею отрицаемый всегда, и церковный народъ, поставленный объ этомъ въ полную извѣстность, благословляется принять невинныя страданія свои за вѣру даже до смерти. То есть, открываются глаза всѣхъ на правду положенія, на бесполезность всѣхъ попытокъ примиренія, на всю работу власти по уничтоженію религіи. Все уже такъ ясно, что довольно играть въ прятки съ властью. Надо предупредить народъ, разоблачить обманъ власти о какой-то свободѣ религіи въ Россіи и сдѣлать свое дѣло: страдать, такъ страдать, и идти на это прямо. Мнѣ казалось, что такой твердый, независимый голосъ епископовъ только и можетъ повліять на самую власть, ибо она совершенно не выноситъ моральной силы, и ей только одной еще можетъ сдѣлать уступки, хотя и временныя; власть боится дѣлать изъ враговъ своихъ героевъ духа, мучениковъ. Конечно, мнѣ рисовались и такія послѣдствія отъ этого посланія: большевики пришли бы въ ярость, подняли бы шумъ вокругъ какого-то контръ-революціоннаго заговора епископовъ и дѣло могло бы дойти и до крови. Но какъ иначе въ этихъ обстоятельствахъ выполняется долгъ, лежащій такимъ бременемъ на плечахъ у каждаго пастыря, я не представлялъ. Хотя и не мое дѣло заботиться о цѣломъ народѣ, и съ меня довольно и маленькаго прихода, который мнѣ порученъ, но если меня не поставятъ на вѣрный путь мой первоіерархъ и мои епископы, какъ и куда я

пойду? Они меня своей линіей поведенія могутъ тревожить. Развѣ молчали о своихъ мнѣніяхъ простые священники и монахи въ тяжелые моменты борьбы церковной? Если авторъ «соловецкаго посланія» не имѣлъ и той отвѣтственности предъ Церковью, какою имѣлъ я, то дерзнулъ и я говорить высокому и авторитетному, хотя и немногочисленному собранію заключенныхъ архипастырей, ученыхъ богослововъ и пастырей.

Когда чтеніе проэкта посланія было мною окончено, одинъ епископъ сказалъ мнѣ:

— По вашему: умирать такъ съ музыкой... видна казачья кровь... при томъ же, это — не обращеніе къ правительству, а обращеніе чрезъ голову правительства къ народу.

Долженъ признать, что сужденіе это было по существу моего доклада, съ полнымъ пониманіемъ его содержанія, смысла, духа, даже результатовъ. Возраженія же всѣхъ прочихъ моихъ слушателей были по формѣ, вродѣ того что: «это — не посланіе, а журнальная статья», «для посланія — слишкомъ длинно» и пр. т. п. А. Иларіонъ сказалъ слово о томъ, что въ этой «энциклопедіи церковныхъ вопросовъ», какъ онъ мой проэктъ назвалъ, «нѣтъ ничего новаго». Нужно замѣтить, что самъ А. Иларіонъ никакихъ проэктвовъ не сочинялъ. Только что прочитанный проэктъ соловецкаго посланія, онъ разсматривалъ какъ аппологію (подобную первовѣковымъ), предназначенную для распространенія въ народѣ, какъ литературное произведеніе, не имѣющее того практическаго значенія, какое предполагалось его содержаніемъ: установить нормальныя отношенія Церкви съ властью. Въ то, что таковыя отношенія будутъ установлены, онъ совершенно не вѣрилъ. На мой проэктъ онъ тоже посмотрѣлъ какъ на какое-то изслѣдованіе положенія церковныхъ дѣлъ въ совѣтской Россіи, въ которомъ для него, конечно, ничего не было новаго. Все было вѣрно и ясно, но и не ново.

Итакъ, мой проэктъ былъ не только не принятъ, но оказался совсѣмъ ненужнымъ и излишнимъ. Суть моего доклада совершенно была чужда сознанию всѣхъ моихъ слушателей, развѣ за исключеніемъ одного, который хотя и понялъ въ чемъ дѣло, но и не принялъ, не согласился. Самый тонъ, рѣшительность выступленія для нихъ невозможны. Никто къ такимъ выступленіямъ нравственно не готовился. Мой проэктъ не соотвѣтствовалъ потребностямъ момента. Большинство расположено вести переговоры съ властью въ надеждѣ на благополучный исходъ ихъ. Они полагаютъ, что умирать не придется, этого никто и не требуетъ, обойдется и безъ этого. Вообще, по поводу смертельности борьбы за вѣру они ничего не полагаютъ. По моему, это былъ сонъ въ моментъ надвигающейся для Церкви опасности. Неужели они увѣрены, что будетъ толкъ отъ ихъ переговоровъ съ властью? Власть

требуетъ отъ насъ безусловной сдачи всѣхъ нашихъ позицій на ея волю и милость, она не терпитъ съ нашей стороны никакихъ условій и договоровъ. Что сама вздумаетъ дать, то и будетъ наше, вобщемъ же — все возьметъ и ничего не дастъ. Это — такая азбука! Мой проэктъ не подошелъ, не практиченъ, а надежда на соглашеніе практична?!

Такъ я размышлялъ, и раскрывалъ свое огорченное сердце предъ Богомъ, идя изъ соловецкаго монастырскаго кремля, — гдѣ расположенъ главный лагерь заключенныхъ и гдѣ происходили наши бесѣды, — на Филимонову тоню, въ семи верстахъ отъ лагеря, на берегу одного заливчика Бѣлаго моря. Здѣсь я былъ вмѣстѣ съ Архіепископомъ Иларіономъ и еще двумя епископами, и нѣсколькими священниками сѣтевязальщикомъ и рыбакомъ.

Кстати сказать, объ этой нашей работѣ А. Иларіонъ часто говорилъ переложеніемъ словъ стихиръ на Троицынъ день:

— «Вся подаетъ Духъ Святой»: прежде — «рыбари богословцы показа», а теперь, наоборотъ, — богословцы рыбаки показа.

Конечно, увѣренность въ правильности собственныхъ мыслей приходила не сразу, не безъ колебаній и сомнѣній. Можетъ быть я ошибаюсь. Пожалуй, отъ моего посланія «музыки» или шума было бы много. Но если крики толпы — «распни Его!» — есть тоже своего рода музыка, то не плохо умирать подъ такую музыку. Но мы спимъ, мы не готовимся къ Голгоѣ, а когда станутъ отнимать у насъ Господа, то, можетъ быть, сами разбѣжимся отъ страха Его креста.

Если моего посланія власти не надо предлагать — оно не годится и по формѣ, и какъ вызовъ, бросаемый въ лицо власти, — то какъ же сбросить этотъ сонъ и какъ разбудить народъ церковный, который тоже надѣется, что еще можно договориться съ властью и она дастъ Церкви свободу? Если этого нельзя сказать, то тогда надо совсѣмъ замолчать, демонстративно прекратить всякіе переговоры съ властью, не отвѣчать на вопросы, подчеркнуть бесполезность, всякихъ разговоровъ, какъ Христосъ на судѣ: разговоры — проформа, участь предрѣшена, пусть дѣлаютъ, что хотятъ [8].

О своихъ союзникахъ, церковныхъ людяхъ, я долженъ замѣтить, что подавляющее большинство изъ нихъ были люди безусловно честные, самоотверженные и не случайно попавшіе въ тюрьму, каковыя тоже иногда бывали. Никто изъ нихъ не думалъ что-нибудь сдавать врагу. Въ этомъ смыслѣ отражаетъ общее настроеніе и

соловецкое посланіе. Если бы нужно было для пользы Церкви сидѣть въ лагерѣ принудительныхъ работъ еще и еще, то думаю, что никто бы изъ нихъ не отказался. Но врагъ, дѣлая свою политику, вступалъ въ бесѣду, звалъ на соглашеніе, уступки; всѣ хотя и знали что врагъ — обманщикъ, но увлеклись игрою въ политику и вмѣсто готовыхъ прямыхъ отвѣтовъ «да» и «нѣтъ», пытались оттянуть время, пытались придумать что-либо такое, что было ни «да», ни «нѣтъ». Рѣшительнаго шага боялись сдѣлать въ отношеніи къ власти, а это — на руку власти, ибо власть сама всегда избѣгала рѣшительныхъ шаговъ въ отношеніи къ Церкви, и вела дѣло ликвидаціи ея исподволь.

Вообщемъ, такое настроеніе было даже у лучшихъ людей.

Итакъ, опасность подкрадывалась въ видѣ игры въ политику съ властью, которая этого и хотѣла.

А. Иларіонъ, напримѣръ, въ ярославской тюрьмѣ, прямо укоряя агента власти за нелѣпый союзъ власти съ обновленцами, въ то же время, можно сказать, бессознательно, подавалъ агенту мысль, что не лучше-ли заключить союзъ съ Православною Церковью и поддержать ее. Тогда-де, молъ, и настоящая, по крайней мѣрѣ, авторитетная Церковь поддержитъ совѣтскую власть.

Таковы наблюденія, связанныя съ личными моими отношеніями къ той средѣ, которую можно считать лучшею въ Церкви.

Всѣ мы правду нашего положенія знали, но практическихъ выводовъ изъ нея сдѣлать не умѣли и все думали, что какъ-то само собой все выйдеть, какъ надо. Но, безусловно, и коварство врага путало наши выводы, лишало ихъ рѣшительности.

Врагъ много разъ соблазнялъ. Онъ увѣрялъ, что и при совѣтской власти Церковь существовать можетъ. Это какъ-будто даже обезпечено совѣтскимъ государственнымъ закономъ. Все зависитъ отъ насъ самихъ. Кажется, уступи только, сдѣлай то небольшое, что власть требуетъ отъ тебя, и Церковь начнетъ спокойное и свободное существованіе, какъ это было и прежде. И какъ было въ началѣ не пойматься на этотъ обманъ?! Черезъ какіе печальные опыты надо было убѣдиться, что государственная власть не только можетъ не исполнять своихъ обѣщаній, но что ложь и обманъ входитъ въ систему, въ постоянный порядокъ государственнаго управленія?! Никогда не предполагалось, что такими хитростями власть добывается своихъ цѣлей. Власть лгала и обманывала, требовала отъ Церкви

уступокъ, много за это обѣщала и не только ничего не давала, но и преслѣдовала ее, вела къ уничтоженію.

Какъ было не повѣрить закону, охранявшему права религіи?! И Патріархъ подкрѣплялъ сдачу своихъ позицій мыслью, что у власти есть законъ. И всѣ мы сначала надѣялись, что будемъ жить, преодолевъ какія-то наши недоразумѣнія съ властью. Но потомъ поняли, что совѣтскій законъ есть временная форма, за которою она скрываетъ такія цѣли, которымъ все приносится въ жертву. Власть никогда не считаетъ своимъ долгомъ исполнять свой законъ, когда находитъ его неудобнымъ [9]. Для нея онъ — вовсе не святыня. Она себя никакимъ закономъ не связываетъ. Но нужно было долгое время, чтобы предрасудокъ всякой вѣры въ совѣтскую власть отпалъ. Даже въ соловецкихъ нашихъ бесѣдахъ нужно было вести борьбу съ вѣрою въ совѣтскую власть среди своихъ собратій, хотя подавляющее большинство давно «прозрѣло».

Архіепископъ Иларіонъ говорилъ:

— Я человекъ невѣрующій. (Разумѣется, въ совѣтскую власть).

И на всякіе доводы ученыхъ юристовъ любилъ декламировать басню Крылова «Волкъ и Ягненокъ». Прочитавъ, какъ голодный волкъ видитъ ягненка у ручья, и стремится на добычу, онъ далѣе подчеркиваетъ съ пафосомъ:

«Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: какъ смѣешь, ты, наглець...

.....
...Здѣсь чистое мутить питье мое...».

Напрасно ягненокъ защищается. И это, и всѣ другія обвиненія волка онъ опровергаетъ. Всѣ доводы его вѣрны, онъ правъ. Но волкъ неумолимъ, онъ добивается своего:

— «Молчи! усталъ я слушать,
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать».
Сказаль, и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

Характеристика отношеній церковниковъ и большевистской власти въ этой баснѣ дана вѣрная. Власти не вѣрятъ никакимъ нашимъ завѣреніямъ о вѣрнопопданническихъ чувствахъ. У власти своя логика: «религія намъ вредна, она по существу контръ-революціонна, и васъ, поддерживающихъ религію въ народѣ,

мы ненавидимъ, и тѣснимъ васъ, и желаемъ васъ уничтожить; — поэтому, конечно, и вы насъ ненавидите и всегда желаете нашего паденія, и при всякомъ удобномъ случаѣ будете противъ насъ».

Волкъ говоритъ:

«Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи».
За контръ-революціонную сущность религіи и за контръ-революціонные грѣхи нашихъ братьевъ онъ съ нами «развѣдывается».

— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ!» — вопить ягненокъ, нашъ братъ.

— «Молчи!».».

Волкъ только придаетъ своему аппетиту «законный видъ и толкъ» и свою жертву непременно скушаетъ.

Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно.

Но мало было не вѣрить въ законъ и правду власти. Изъ этого надо бы было дѣлать и выводы. У врага достаточно духовной стойкости и опредѣленности, — точно то же нужно и въ борьбѣ съ нимъ. Колебанія и дипломатію онъ оставляетъ въ удѣлъ намъ, и даже вызываетъ на нихъ и содѣйствуетъ имъ, а самъ твердо стремится къ цѣли. И, въ концѣ концовъ, съ такимъ врагомъ не останешься между двухъ стульевъ: непременно посадить или на то, или на другое. Врагъ все время вынуждаетъ на рѣшительные поступки въ отношеніи къ нему.

Любопытно, на примѣръ, то, что насъ, церковниковъ, совѣтская власть надѣляетъ всѣхъ равными сроками наказанія. Архіепископу Иларіону, потрудившемуся около Патріарха въ Москвѣ и наносившему тяжелые удары безбожію и обновленческому расколу, безусловно ставшему величиною въ общероссійскомъ масштабѣ, и, почти юношѣ, маленькому іеромонаху изъ Казани, у котораго все преступленіе состояло въ томъ, что онъ съ діакона-обновленца снялъ орарь и не позволилъ ему съ собою служить, были даны равные сроки наказанія — три года.

Архієпископъ Иларіонъ находилъ въ этомъ фактѣ предметъ для своего духовнаго веселья. Большевицкая власть, по его мнѣнію, по своему подражаетъ Богу.

— «Любочестивъ бо сый владыка, — говорилъ онъ, прекрасно на память, пасхальными словами святителя Іоанна Златоуста, — приѣмлетъ послѣдняго яко-же и перваго: упокоеваетъ въ едионадесятый часъ пришедшаго, якоже дѣлавашаго отъ перваго часа. И послѣдняго милуетъ, и первому угождаетъ, и оному даетъ и сему дарствуетъ. И дѣла приѣмлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ, и дѣяніе почитаетъ, и предложеніе хвалить».

Воистину такъ. Для большевицкой власти важны не только дѣянія; она ищетъ контръ-революцію въ намѣреніяхъ, въ мысляхъ. Сидѣли въ заключеніи съ тѣми же сроками священники и архіереи — дипломаты, которые не пошли въ обновленчество, но ни одного слова и не сказали противъ него, не произнесли на него рѣшительнаго суда предъ народомъ, не помогли ни въ чемъ колеблющимся, не защищали отъ него паствы.

Признаться, совѣсть была удовлетворена карою тѣмъ, кто уклонился подъ разными предлогами отъ исполненія своего долга быть свѣтомъ и стоять на свѣщникѣ, что бы свѣтитъ всѣмъ, у которыхъ не было опредѣленнаго ни «да», ни «нѣтъ», въ этой борьбѣ.

Но за то батюшки мало сдѣлавшіе, искренно жалѣли объ этомъ. Можно было сдѣлать больше. Вѣдь, все равно сидѣть три года. Счастливъ оказался тотъ, кто потрудился во всю мѣру своихъ силъ, со всею рѣшительностью. Больше другихъ онъ не пострадалъ, пользы принесъ много, и нравственное удовлетвореніе и покой имѣлъ въ самой тюрьмѣ.

Итакъ, въ этомъ заключался и выводъ для насъ относительно нашего поведенія въ борьбѣ съ такимъ врагомъ Церкви, какъ большевицкая власть. Если всякій, кто не съ нею хотя бы только въ мысляхъ, тотъ уже противъ нея, такъ чего же скрывать свои мысли и не обнаруживать ихъ въ дѣяніяхъ, совѣмъ не политическихъ, а нашихъ, церковныхъ?!

Изъ опыта обновленцевъ было очевидно, что компромиссы были напрасны, бесполезны, губительны. Единственно, за что обновленцы, можетъ быть, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія, это — что они въ началѣ искренно хотѣли достигнуть свободы Церкви въ совѣтскихъ условіяхъ. Они «спасали Церковь», которую, по ихъ мнѣнію, Патріархъ Тихонъ своимъ разрывомъ и борьбою съ

властью завелъ въ тупикъ, поставилъ въ безвыходное положеніе. Такъ страдать Церкви дальше, какъ она страдала до мая 1922 года, когда возникло обновленчество, по ихъ мнѣнію, нельзя было. Они, великіе и умные люди, какъ они тогда о себѣ думали, пошли на миръ, на соглашеніе съ властью. Но имъ пришлось открыто заявить, что они, отрекаясь отъ политики, должны будутъ бороться съ контрреволюціей въ Церкви, и взять на себя обязанность сыска и доноса, политическаго обвиненія на своихъ братьевъ. Такою дорогою цѣною предательства и продажи своихъ братьевъ, принесеніемъ въ жертву самого Патріарха, они принуждены были покупать право свободнаго существованія Церкви. Не было такихъ словъ лжи и обмана, которыхъ бы они не сказали своимъ и чужимъ въ угоду власти. Но все оказалось напраснымъ. Страдать Церковь не перестала, изъ тупика она не вышла. Обновленцы имѣли временную относительную свободу, которая была дана имъ для обмана братій, что будто-бы и въ самомъ дѣлѣ Церковь можетъ существовать въ совѣтскихъ условіяхъ [10]. Свобода дана была такая, что бы ни въ какой мѣрѣ не затормозитъ всѣхъ антирелигіозныхъ мѣропріятій власти. Имѣтъ нѣкоторое время видимость свободы, а затѣмъ потерятъ все вмѣстѣ съ тѣми, кто оставался вѣрнымъ Церкви, не измѣняль ей! Чего добились? Стоило ли такую цѣною искать такихъ результатовъ? Такія тяжкія раны Церкви, и такое безчестіе, такой позоръ себѣ самимъ! Обновленчество своей исторіей ниспровергло, осудило себя и оправдало честный и прямой путь. Союзъ съ властью принесъ и обновленцамъ полное разочарованіе. Они лишились всего, чего лишились и православные: у нихъ храмы отбираются, ихъ епископамъ и священникамъ негдѣ жить. Итакъ, напрасныя жертвы и напрасныя потери.

Но этого мало. Власть издѣвается, глумится надъ нами. Тайно она васъ заставляеть и научаеть говорить и дѣлать то, что ей угодно и даетъ свои обѣщанія, а получивъ желаемое, явно и открыто, вслухъ всѣмъ, заяляеть, что совѣтская власть не только ни въ какой Церкви не нуждается, ни въ «живой», ни въ «мертвой», но она и «по вексельямъ не платитъ», выдаваемымъ ей церковниками [11]. Власть дѣлаеть видъ, что вы сами, добровольно, по собственному почину сдѣлали этотъ шагъ въ отношеніи къ ней, который ей вовсе не нуженъ и она вамъ за это ничего не заплатитъ. Такъ большевистская власть кривляется предъ своимъ народомъ и цѣлымъ міромъ, разыгрываетъ комедію, въ которой дѣйствующимъ лицомъ дѣлаеть Церковь, на позоръ и униженіе ей. Облачаетъ Церковь въ каррикатурныя, смѣшныя одежды и смѣется надъ нею вдосталь, и тѣмъ сильнѣе бьетъ ее. Но при этомъ, какъ вамъ ни больно, власть заставляеть васъ улыбаться.

Я видѣль мать, которая побила своего ребенка за проступокъ. Ребенокъ заплакаль. Тогда мать стала бить его за то, что онъ плачетъ, требуя при посредствѣ побоевъ,

чтобы онъ замолчалъ. Ребенокъ не зналъ какъ поступить: и больно такъ, что нельзя не плакать и плакать нельзя, потому что бьютъ за это. Ребенокъ дрожалъ всѣмъ своимъ существомъ. Но все же это положеніе — сносное: материнская власть хотя не требовала во время побоевъ улыбаться. Большевистская власть не только бьетъ и плакать не позволяетъ, но заставляетъ кланяться, благодарить, одобрять побои, наносимые вамъ; такъ сказать, цѣловать свою плетку и вслухъ всѣмъ говорить, что это даже и не побои. Такъ говорили обновленцы, утверждая, что религія въ Россіи пользуется неслыханной свободой. Такъ всегда слѣдователю на допросахъ вы должны говорить, что гоненій на религію никакихъ нѣтъ, и онъ съ удовлетвореніемъ кивнетъ головой и самъ скажетъ: «да, гоненій на религію нѣтъ». Такъ принуждаютъ говорить представителей Церкви.

Отъ ребенка мать требовала, чтобы онъ молчалъ и терпѣлъ; здѣсь требуется участіе въ лжи, лицемеріи, обманѣ власти.

Власть стремится уничтожить насъ морально.

Власть больше всего боялась моральной силы, и хотя дѣлала мучениковъ, но дѣлать ихъ никакъ не хотѣла, потому что они возбуждаютъ и питаютъ контръ-революцію, противленіе власти въ народѣ, потому что они есть лучшая пропаганда противъ нея. Надо было убивать людей не физически только, но и морально, прежде всего. Склонить на примиреніе и соглашеніе съ собою, безбожникомъ, было лучшимъ средствомъ у власти, чтобы уронить въ глазахъ народа, дискредитировать извѣстнаго героя и мученика, человѣка, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, ничего не уступавшаго и авторитетнаго въ глазахъ народа.

Склоняя въ расколъ А. Иларіона въ ярославской тюрьмѣ, агентъ ГПУ говорилъ ему:

— Васъ Москва любитъ, васъ Москва ждетъ...

Но когда А. Иларіонъ остался непреклоненъ и обнаружилъ пониманіе замысловъ ГПУ, то агентъ сказалъ:

— Пріятно съ умнымъ человѣкомъ поговорить... А сколько вы имѣете срока въ Соловкахъ? Три года?! Для Иларіона три года! Такъ мало?!.

Однако, А. Иларіонъ, въ послѣднемъ случаѣ, не былъ ни соблазненъ агентомъ власти поѣхать изъ тюрьмы къ «любящимъ» и «ждушимъ», ни испуганъ новымъ срокомъ лагерныхъ принудительныхъ работъ. Пусть тамъ «любятъ» и «ждутъ». Но

разъ власть хочеть васъ отпустить къ любящимъ, то, значить, тамъ, съ этого времени, перестануть васъ любить. Въ такомъ скверномъ видѣ васъ власть выпускаеть. Не ищеть же она вамъ и всей Церкви добра! Въ самомъ дѣлѣ, какъ ей нужно, чтобы епископъ со своимъ народомъ снова встрѣтился и народъ бы получилъ всю полноту утѣшенія и подкрѣпленія въ своей борьбѣ за вѣру! Это же въ корнѣ противорѣчить цѣлямъ власти, стремящейся не созидать, а уничтожить Церковь и религію. Зачѣмъ вѣрять лжи и лицемѣрію нашей власти? Нужно понимать замыслы власти.

Пусть ГПУ совершенно не выноситъ большого пониманія вещей у своихъ подслѣдственныхъ. Тѣмъ болѣе нельзя отказываться отъ этого пониманія. На допросахъ ведутся разговоры на общія темы и даже затѣваются религіозные диспуты. Если обнаружатся ваши умъ и познанія, уже не говоря о разсужденіяхъ о дѣйствіяхъ властей, то вы оказываетесь опредѣленно вреднымъ человѣкомъ. Счастливы только тотъ, кто умѣеть притвориться глупенькимъ, не умѣеть ни на что отвѣтить, не такъ, какъ я, несчастный, который сразу же выдержалъ со слѣдователемъ религіозный диспутъ. Митрополитъ казанскій Кириллъ за годы своей безконечной ссылки имѣлъ недѣли двѣ свободы въ самой Москвѣ. Агентъ ГПУ требовалъ отъ него повліять на Патріарха или по вопросу объ отвѣтѣ Архіепископу Кентерберійскому, или еще по какому-то поводу, не помню. Митрополитъ нѣсколько разъ отмалчивался на приставанія агента, но наконецъ сказалъ ему:

— Ну и умный же вы человѣкъ!..

Взбѣшенный агентъ далъ М. Кириллу только полъ часа на сборы. Митрополита отправили сначала въ Усть-Сысольскъ, а затѣмъ, весною 1925 года, въ лѣсныя дебри, при чемъ, двѣ недѣли продолжалось путешествіе по рѣкѣ въ лодкѣ. Митрополиту не давали ѣсть, оставляли спать на холодѣ, внѣ лѣсныхъ избъ, въ которыхъ чекисты сами ночевали, дергали его за бороду и издѣвались надъ нимъ такъ, что Митрополитъ сталъ просить себѣ смерти. Болѣе года прожилъ онъ подъ владычествомъ коммуниста въ лѣсу, гдѣ было только двѣ охотничьихъ избы.

Итакъ, горе и М. Кириллу, и А. Иларіону да и всякому, кто понималъ замыслы власти, и отъ этого пониманія не могъ и не умѣлъ отказаться.

А. Иларіонъ, передавъ намъ свой разговоръ съ чекистомъ, выразилъ увѣренность, что ему освобожденія не придется увидать, хотя время окончанія срока его заключенія приближалось. Дѣйствительно, къ концу перваго трехлѣтія онъ получилъ еще добавленіе, или «довѣсокъ», какъ выражаются въ совѣтскихъ

тюрьмахъ, въ три года, при чемъ въ качествѣ новаго обвиненія было предъявлено, конечно, для проформы, — «разглашеніе государственныхъ тайнъ», то есть, разглашеніе всего многозначительнаго разговора его съ агентомъ въ ярославской тюрьмѣ. ГПУ подслушало всѣ его рассказы въ лагерѣ, а А. Иларіонъ, правда, и не стѣснялся не только говорить объ этомъ, но даже описать для всего свободнаго, внѣлагернаго міра, въ видѣ діалога двухъ какихъ-то лицъ, часть своего разговора съ агентомъ. Обвиненіе, конечно, нелѣпое, потому что А. Иларіонъ — не сотрудникъ ГПУ, никакія служебныя тайны ему не могли довѣряться и, наконецъ, подписку не разглашать сказаннаго ему, какъ это практикуется часто на допросахъ въ ГПУ, онъ не давалъ.

Обычно, если въ ГПУ вамъ предлагается секретное сотрудничество, а вы его отклоняете, то берется подписка о неразглашеніи сдѣланнаго вамъ предложенія. Вы такимъ уклоненіемъ характеризуете себя, «неисправимымъ» и осуждаете себя на дальнѣйшее преслѣдованіе власти безъ всякаго снисхожденія. По поводу этихъ гнусныхъ предложеній власти, среди своей братіи, заключенныхъ и ссыльныхъ, всегда ведутся шуточные разговоры, потому-что рѣдко кому эти предложенія не дѣлались. Если дано согласіе на сотрудничество, то тоже берется подписка о принятіи на себя этихъ обязанностей, и, какъ-нибудь наединѣ, вашъ другъ или хорошій знакомый съ ужасомъ признается вамъ, что подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ онъ далъ подписку въ томъ, что онъ, «какъ честный гражданинъ совѣтской республики» (такъ эта записка начинается), обязывается доносить обо всякомъ случаѣ контръ-революціи, гдѣ его ни встрѣтитъ. Но каково же бывало увидѣть на Соловкахъ, на примѣръ, батюшку, отбывающаго наказаніе по очень странной «не церковной» статьѣ Уголовнаго Кодекса: «невыполненіе договора»! Подумаешь, что онъ взялся за поставку дровъ для какого-нибудь совѣтскаго учрежденія, но ихъ не поставилъ и авансы растратил. Нѣтъ. Оказывается, онъ, по честности своей, за нѣсколько мѣсяцевъ своего секретнаго сотрудничества въ ГПУ, не далъ ни одного доноса, и тюрьмы не избѣжалъ, хотя ради этого, въ свое время, и подписывалъ свой договоръ съ ГПУ.

Итакъ, опять таки, напрашивается естественный простой выводъ: честный и прямой путь былъ единственно правильнымъ путемъ нашимъ. Рѣшимость сидѣть въ тюрьмахъ и ссылкахъ и ничего не уступать власти — въ нашихъ силахъ и возможностяхъ. И это, кажется, все, что отъ насъ, въ данный моментъ, требовалось. Власть только манитъ насъ изъ тюрьмы, но на свободѣ готовитъ намъ смерть, ибо преслѣдуетъ свою конечную цѣль — уничтожить Церковь нашу, какъ и всякую религію. Власть добивается, чтобы, мы, прежде чѣмъ умереть, быть уничтоженными, потеряли бы собственное достоинство, стали безчестными людьми

и умирали уже съ презрѣніемъ къ себѣ. Разумѣю смерть нашу, смерть людей, оставленныхъ жить, въ конечномъ итогѣ, безъ храма, безъ богослуженія, безъ народа, безъ общественной молитвы.

Мы должны сопротивляться власти, ея обѣщаніямъ не вѣрить и умирать въ борьбѣ съ нею. Такъ я полагалъ. Таковы, вобщемъ, опыты и наблюденія, опредѣлявшіе отрицательное отношеніе къ соглашенію М. Сергія съ властью и другихъ многихъ.

Въ центральномъ ГПУ въ Москвѣ, въ такъ называемомъ «собачникѣ» то есть, маленькой комнаткѣ, куда бросаютъ только что арестованныхъ впредь до сортировки, и гдѣ бываетъ такъ тѣсно, что я ровно сутки простоялъ не сдвигаясь съ мѣста, я прочиталъ на стѣнѣ, выцарапанныя кѣмъ-то, «золотыя правила для заключенныхъ», гдѣ, между прочимъ, было и такое: «не вѣрь своему слѣдователю». Правило золотое. Большевистская власть — всегда въ роли слѣдователя, и М. Сергію, вступавшему въ переговоры съ властью и въ свое время прошедшему тюремную школу, надо бы было это правило знать.

Если въ игрѣ въ политику духовенства съ большевистскою властью опасность для Церкви раньше только надвигалась, то теперь эта опасность пришла. Духовенство, вмѣсто прямого и открытаго порыва съ богоборной властью ради своей вѣры, какъ это было въ древности, во времена гоненій, попыталось теперь съ властью договориться на почвѣ обоюднаго соглашенія и уступокъ со своей стороны.

Игра въ политику оказалась намъ не по плечу. Политика какъ искусство — не нашего духа дѣло. Власть въ этой игрѣ выиграла, а мы сдались полностью.

Кто-то, однажды, при мнѣ въ присутствіи одного архіерея сказалъ, что можетъ-быть удастся и перехитрить власть и мы дождемся что власть сдастся и принуждена будетъ дать религіозную свободу.

Епископъ отвѣтилъ:

— Бѣса не перехитришь...

Дѣйствительно, состязаться въ хитростяхъ съ людьми тьмы, старыми подпольщиками-партіейцами ужъ никакъ не наше искусство. Надо было порвать всякую связь съ ними, а если не порвали своевременно, то кончили тѣмъ, что связались съ нею. Еще давно, въ началѣ соловецкаго сидѣнія, А. Иларіонъ читалъ намъ одно письмо, въ которомъ женщины (по принятому у насъ весьма

естественному и оригинальному шифру) рассказывали, какъ агентъ власти хвасталъ предъ ними, что онъ «обведетъ всѣхъ нашихъ архіереевъ вокругъ своего пальца».

Агенты ГПУ отъ души хохотали, когда М. Сергій хотѣлъ устроить свиданіе съ М. Агаѳангеломъ внѣ стѣнъ ГПУ, гдѣ это свиданіе было назначено. Оба Митрополита были на свободѣ, въ Москвѣ, но раньше, чѣмъ увидѣться въ ГПУ и въ присутствіи чекистовъ вести переговоры о правахъ своихъ на власть въ Церкви (въ связи съ григорьевскимъ расколомъ), встрѣтиться не сумѣли. Надъ епископомъ, пытавшимся устроить эту встрѣчу, они вдосталь смѣялись, восклицая: — «ну и молодець! насъ хотѣлъ перехитрить!» — и дали ему три года ссылки. Впрочемъ, наши хитрости для нихъ были забавны.

Но та хитрость, которая теперь была продѣлана ГПУ надъ нами, по своему масштабу, превосходила всѣ доселѣ бывшіе опыты его надъ Церковью. Безъ преувеличенія теперь можно, было сказать, что вся Помѣстная Россійская Православная Церковь оказалась пойманною въ большевистскія сѣти. Какъ теперь выпрыгнуть изъ этихъ сѣтей? То обстоятельство, что М. Сергій не только допустилъ ГПУ къ контролю надъ Церковью, но именно къ управленію ею, не служитъ ли основаніемъ для непризнанія власти въ Церкви самого М. Сергія, какъ мы не признали власти обновленцевъ, за которыми стояло ГПУ. Да, но тамъ были основанія каноническія, а здѣсь?.. М. Сергій — законный нашъ архіерей, хранящій, пока-что, въ цѣлости церковные каноны и догматы. То, что ГПУ управляетъ Церковью и М. Сергій ему подчинился не будетъ официально объявлено, какъ не было объявлено и объ обновленцахъ, хотя это было для всѣхъ вполне осязательно. Въ чемъ будемъ обвинять М. Сергія? Официально, вѣдь, никто кромѣ него не будетъ управлять Церковью. Но обновленчество не признавать было легко: они совершили преступленія противъ канонівъ. Это много мѣшало ГПУ овладѣть всею Церковью, портило его злую работу. Власть тогда отыскивала въ насъ контръ-революцію, но мы были неуязвимы: мы объявляли, что страдаемъ за Церковь, за ея каноны, поправленные обновленчествомъ. Теперь ничего этого нѣтъ. Никакихъ основаній, кромѣ политическихъ, кромѣ соглашенія съ властью М. Сергія, для отдѣленія отъ него не оставалось. Да и тѣ надо имѣть въ явномъ видѣ; да и имѣя въ явномъ видѣ, попробуйте теперь не признать М. Сергія! Оказываеся, при обновленчествѣ быть контръ-революціонеромъ было легко, ибо само же обновленчество своими противцерковными дѣяніями позволило намъ эту контръ-революцію скрывать, если можно назвать непризнаніе власти безбожниковъ въ Церкви контръ-революціей, а не борьбой моею за свою вѣру. Однако, если власть была убѣждена, что ссылкой на каноны, церковники прикрывали свою контръ-революцію и не желали признать обновленцевъ, только какъ ставленниковъ ГПУ, то

теперь она сдѣлала новый опытъ обнаруженія церковной контръ-революціи; она «дала намъ нашего», каноническаго, который и будетъ работать цѣлямъ власти, и будетъ нашъ. Пусть теперь кто-либо попытается его не послушать. Каноническихъ причинъ больше нѣтъ для этого. Неповинующіеся ему будутъ доказанные, явные контръ-революціонеры. Конечно, пощады такимъ не будетъ. Теперь мы все поняли: загадка, давно данная намъ агентомъ власти, отгадана. Насъ вывели, какъ говорится, на чистую воду. Всю контръ-революцію нашу врагъ обѣщаль вскрыть, обнаружить, когда поставитъ намъ нашего, каноническаго. И вотъ теперь это время настало. Богъ видитъ, какъ мы искренно не желали-ли бы быть контръ-революціонерами, но какъ же помириться съ властью безбожниковъ въ Церкви!? Мы пойманы, накрыты, попали какъ птицы въ западню, ловко на насъ разставленную.

Всѣ наши безконечныя бесѣды и разсужденія на эту тему были намъ бесполезны. Никто не зналъ, какъ мы выйдемъ изъ положенія. Насъ обошли, окружили. И мы были такъ сконфужены, какъ будто насъ поймали на мѣстѣ преступленія.

Когда появилось посланіе М. Сергія, въ нашемъ зырянскомъ ГПУ, одинъ чекистъ не удержалъ въ себѣ своего злорадства, и, архіерею, пришедшему по обычаю, расписаться въ своемъ явочномъ листѣ, сказалъ:

— А здорово подковырнулъ васъ Сергій!..

Это было его буквальное выраженіе.

ГПУ накрыло насъ и ликовало, и ожидало обнаруженія неповиновенія М. Сергію, то есть, чистѣйшей контръ-революціи.

Наше положеніе было до крайности тяжелымъ. При мысли о дѣлахъ церковныхъ, умъ былъ въ недоумѣніи, воля — въ разслабленіи, чувства — въ стыдѣ и скорби.

3.

Еще до посланія, первые шаги М. Сергія въ подчиненіи у ГПУ, проявились въ перемѣщеніи архіереевъ съ ихъ насиженныхъ каѳедръ на другія. Большинство архіереевъ, если и не были на своихъ каѳедрахъ по многу лѣтъ, то такъ много пережили вмѣстѣ со своимъ народомъ тяжелыхъ скорбей, столько пострадали за его вѣру, что сроднились и соединились съ нимъ неразрывными узами любви. Вообще же, перемѣщеніе съ одного мѣста на другое и устройство на всякомъ новомъ мѣстѣ, не только для епископа, но и для священника представляетъ въ совѣтскихъ

умовляхъ такіа трудности, что всѣ дорожать своимъ уголкомъ, каковъ онъ ни есть, въ ожиданіи болѣе удобныхъ временъ, и только крайняя необходимость заставляеть покидать эти свои углы. Изъ интересовъ же Церкви переводъ архіерея съ одной кафедръ на другую въ такое время, кажется, никакъ не вытекаль и всякіа соображенія по этому поводу были доступны только одному М. Сергію. Никто оправдать его дѣйствій не умѣль. Одно только очевидно было для всѣхъ, что сплоченность и любовь народа и пастыря совершенно не выносимы для ГПУ. Какъ ихъ разъединить — для ГПУ всегда была задача, ибо черезъ тюрьму и ссылку это совсѣмъ не достигалось. Теперь чисто законнымъ церковнымъ порядкомъ эта связь порывалась. Распоряженія М. Сергія о перемѣщеніяхъ произвели не малое волненіе въ Церкви. И паства и архіереи протестовали. Митрополитъ выражалъ удивленіе, почему прежде, въ старыя времена, при перемѣщеніяхъ по приказу изъ Синода, никто не протестоваль, а теперь вдругъ такое неповиновеніе. Онъ пригрозилъ непокорнымъ запрещеніемъ въ священнослуженіи. Многіе повиновались и поѣхали на новыя кафедръ, а нѣкоторые попросились за штатъ, на покой. Весьма немногіе оставлены на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Это — счастливый удѣль безвредныхъ для ГПУ людей. Но никто не осмѣлился сказать Митрополиту правду о причинѣ нежеланія повиноваться его приказу: «ты дѣйствуешь по указкѣ ГПУ и на пользу безбожникамъ». Да и не было достаточныхъ основаній выступить съ такимъ обличеніемъ. Формально Митрополитъ былъ правъ. Всѣ молчали и ждали дальнѣйшаго. Митрополитъ же на этомъ дѣлѣ произвелъ пробу силъ своихъ и провѣрку епископата: кто окажетъ послушаніе сейчасъ, тотъ принужденъ будетъ послушаться его и потомъ, въ дальнѣйшихъ его требованіяхъ.

Вслѣдъ за этимъ, послѣдовало учрежденіе Синода при Митрополитѣ и, наконецъ, появилось посланіе его къ народу.

Теперь только можно было ожидать какихъ-либо выступленій противъ Митрополита.

Митрополитъ продолжалъ дѣлать то, что приказывала власть: запретилъ поминовеніе по церквамъ заключеннаго духовенства, потому что власть можетъ заключать въ тюрьмы, разумѣется, только контръ-революціонеровъ, и поминовеніе ихъ за богослуженіемъ есть политическая демонстрація; по тѣмъ же соображеніямъ — сталъ лишать кафедръ заключенныхъ архіереевъ, назначая на ихъ мѣста другихъ, тогда какъ до сего времени на мѣста заключенныхъ посылались временные замѣстители, если не было въ епархіи своихъ викарныхъ, которые и несли обычно обязанности управленія за отсутствующаго; далѣе, Митрополитъ приказаль возносить за богослуженіемъ моленіе о властяхъ, и, наконецъ, распорядился

поминалъ за богослуженіемъ и себя, послѣ имени М. Петра, котораго, хотя и заключеннаго, нельзя было лишить его кафедры, чтобы не потерять всей Церкви изъ своего вѣдѣнія. Поминовеніемъ же имени М. Сергія каждая приходская Церковь показывала, что она приняла его за главу и подчинилась всѣмъ его приказаніямъ. Непоминовеніе означало обратное. Какъ въ свое время, поминовеніе имени Патріарха за богослуженіемъ было признакомъ контръ-революціонности данной Церкви, такъ теперь, наоборотъ, непоминовеніе имени М. Сергія могло означать контръ-революцію. Испытать Церковь можно было только этою послѣднею мѣрою. Вотъ какая произошла перемѣна. Вотъ что означала легализація.

Вся Церковь почувствовала, что М. Сергій совершилъ преступленіе, что онъ сдалъ управленіе Церковью власти безбожниковъ, и дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать впредь подъ диктовку ГПУ. Митрополитъ получилъ огромное количество анонимныхъ писемъ съ протестами, обвиненіями и оскорбленіями. Вопросъ о признаніи М. Сергія былъ поставленъ въ православныхъ приходахъ всей страны. Отъ Бѣлаго моря и зырянскихъ деревень, и до Чернаго моря, — на всемъ пути, который я, вобщемъ, проѣхалъ предъ побѣгомъ своимъ за границу, — я лично самъ въ этомъ убѣдился. Въ Москвѣ народъ, при встрѣчѣ съ Митрополитомъ, не давалъ ему покоя.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Митрополита писалъ мнѣ въ Зырянскій край:

— Каждая баба считаетъ своимъ долгомъ бросать М. Сергію оскорбленія.

Я ему отвѣчалъ:

— Вѣдь у насъ, у православныхъ, такъ: если и архіерей лжетъ, то и баба ему объ этомъ въ глаза скажетъ.

Нѣкоторые священники и многіе епископы являлись сами къ Митрополиту и высказывали ему въ глаза рѣзкія обличенія. Другіе епископы написали ему очень смѣлые протесты, въ которыхъ не только перечисляли пагубныя для Церкви мѣропріятія его, но указали на вредность и бессмысленность самаго союза Церкви съ такою гражданскою властью. Однако, въ конечномъ результатѣ, весьма немногіе архіереи рѣшились выйти изъ подчиненія М. Сергію и создать новый расколъ. Митрополитъ угрозою запрещенія въ священнослуженіи, по праву законнаго главы Церкви, привелъ большинство протестующихъ къ повиновенію. Хотя сладкому самообману наступающаго мира съ властью предавались весьма немногіе епископы (въ какихъ обстоятельствахъ не найдешь такихъ оптимистовъ!), а подавляющее

большинство отлично понимало, что добра для Церкви отъ союза Митрополита съ властью не будетъ, но это же большинство, разъ подчинившись Митрополиту, принуждено было тотчасъ защищать его отъ нападокъ протестующихъ собратій и народной массы, которая готова была вся, цѣликомъ, отойти отъ Митрополита, появивсь для этого общій для всей Церкви вождь. Но такого вождя не было, и только по мѣстамъ, согласно съ волею епископовъ и отдѣльныхъ священниковъ, выходили изъ подчиненія М. Сергію епархїи и отдѣльные приходы.

Епископы, защитники Митрополита, рѣшили продолжать борьбу за каноны, полагая, что подчиненіе законному архіерею — выше всего. За это боролись отъ начала съ обновленцами, и теперь уже нечего было отступать. Надо ужъ стоять до конца на своемъ пути. Они разсуждали такъ: надо сохранять единство Церкви. Новый расколъ недопустимъ, и то, что онъ уже возникъ въ лицѣ отдѣлившихся отъ М. Сергія, есть новое великое горе. Дѣянїями Митрополита догматы и церковные каноны не повреждены и нѣтъ достаточныхъ основаній ему не подчиняться. Пусть Митрополитъ принимаетъ грѣхъ на себя, это его дѣло, онъ будетъ отвѣчать за все на судѣ церковнаго Собора, который когда-нибудь будетъ, а мы его судить не можемъ. Мы должны исполнять то, что онъ приказываетъ, хотя это намъ и не нравится.

— Пусть героическій періодъ борьбы Церкви за себя кончился, а начался періодъ униженія, который должно тоже принять, — писалъ мнѣ какую-то странную новую теорїю одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ М. Сергія.

Хотя это униженіе возложилъ на насъ нашъ первоіерархъ, но идти на расколъ съ нимъ мы не можемъ.

Вотъ разсужденія, высказывавшіяся вездѣ и устно и письменно епископами, а за ними и священниками, рѣшившими остаться съ Митрополитомъ. Конечно, для укрѣпленія вѣры въ Церковь, въ оправданіе разныхъ дѣяній Митрополита и въ успокоеніе совѣсти своей и чужой, приводились не только каноны, но и тексты Священнаго Писанія: «Церкви врата ада не одолѣють», «нѣтъ власти не отъ Бога», «надо молиться за властей» и прочее тому подобное.

Большимъ прїобрѣтеніемъ для М. Сергія было то, что на поддержку ему сталъ А. Иларіонъ. Какъ человѣкъ авторитетный, онъ повліялъ на многихъ, и нѣкоторыхъ епископовъ успѣлъ возвратитъ къ М. Сергію. Главный свидѣтель плановъ ГПУ по уловленію Церкви въ большевистскія сѣти, онъ менѣе всѣхъ былъ склоненъ осудить первоіерарха за неполезные для Церкви поступки. Слишкомъ хорошо извѣстны ему

были условия, в которых церковное управление работает, чтобы осудить его за ошибки.

Характеризовать какнибудь поподробнее все обманы, ложь, наглое безстыдство, омерзительное притворство и лицемерие, провокационные выходки и прочие подлости агентов власти даже А. Иларион не умел. Когда касался разговор отношений власти и церковного управления, то он, говорил, так:

— Нет, друзья мои, ведь надо побыть в этой обстановке хотя немного, а так не опишешь...

Посмотрев на нас, слушателей, и как бы спрашивая нас — поверим ли мы ему или нет, он добавлял:

— Это, воочию, — сам сатана...

Сам А. Иларион делал ошибки; это — тот, кто самоотверженно боролся с безбожием и церковным расколом, неустанно проповедывал против них в Церквах, проводил блестящие публичные диспуты с представителями того и другого, организовывал отнятие храмов у обновленцев, свидетельствовал истину на допросах в самой тюрьме среди посулов и угроз, (когда столько в такой обстановке пали и сдались). И вот он же именно был один из (двух) сторонников отречения Патриарха от власти. На столько кратко, хотя и остро занимал этот вопрос церковное управление и на столько быстро и сам А. Иларион сознал свою ошибку, что об этой его позиции далеко не все и среди епископата знали. Не без его влияния, хотя и на весьма малое время, был заведен Патриархом совершенно несбыточный в Русской Церкви новый стиль. Наконец, в той же ярославской тюрьме, агент ГПУ все-таки сумел получить от него письмо к М. Сергию о том, чтобы последний не занимался каноническими прещениями по адресу григорьевцев. Григорьевцы, конечно, по этому поводу не мало ликовали, а А. Иларион, возвратившись в Соловки, горько поскорбел. Часто, прерывая какие-то свои мысли, он говорил нам вслух:

— Вот, григорьевцы говорят, что «Иларион за нас», а Иларион опять в Соловках... вот как.

Если он сам попадал под влияние ГПУ и делал ошибки [12], о которых ему тяжело было потом и вспоминать, то не стал он и вообще производить какую-либо оценку действиям М. Сергия, настаивая только на том, что бы от него не

отдѣлялись. Въ Зырянскомъ краѣ я получилъ отъ него письмо изъ Соловковъ, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что въ соглашеніи М. Сергія съ властью ничего не видитъ особеннаго. Я понялъ его, потому что мнѣ хорошо былъ извѣстенъ и его принципиальный взглядъ. Къ моему глубокому сожалѣнію, А. Иларіонъ разсуждалъ такъ, что отношенія Церкви къ власти регулируются практическимъ расчетомъ: какъ во времена татарскаго ига представители Церкви были послушны и покорны ханамъ, а когда нужно было, благослови-ли и на сверженіе ихъ ига, такъ и теперь. Слышалъ это изъ устъ Архіепископа не я одинъ, но я не мало возражалъ ему, полагая, что возводить въ законъ разные случаи исторіи не слѣдуетъ. У насъ могутъ быть болѣе принципиальные взгляды для руководства. Такимъ образомъ, ошибся — ли М. Сергій или поступилъ съ практическимъ расчетомъ, А. Иларіонъ не строго судилъ объ отношеніяхъ главы Церкви съ властью. И онъ былъ не прочь, для вида хотя, очиститься отъ политики. Самому А. Иларіону приходилось читать лекцію о совмѣстимости христіанства и социализма, когда агентъ ГПУ требовалъ отъ него доказать этимъ, что онъ не контръ-революціонеръ. Правда, потомъ чекисть ему говорилъ:

— На любимыя темы вы легко говорите, а вотъ здѣсь-то какъ-будто кто клещами вытягивалъ у васъ слова...

Чекисть, конечно, былъ правъ, но ему ничѣмъ и не угодишь и ничего не докажешь, да и не стоило было доказывать.

Что же такое соглашеніе М. Сергія съ властями: ошибка ли или практической расчетъ? Конечно, не ошибка. Ошибиться послѣ столькихъ опытовъ было бы безуміемъ. А если практической расчетъ, то почти-что въ смыслѣ А. Иларіона. Нельзя же сколько-нибудь вѣрующему человѣку желать искренно укрѣпленія безбожной власти на всегда.

М. Сергій, у себя въ покояхъ, спрашивалъ, обычно, протестовавшихъ противъ его дѣяній архіереевъ:

— Скажите, что дѣлать?

И архіереи, его собесѣдники, молчали. Положеніе трагическое. Они въ его положеніи ничего не умѣли ему посовѣтывать. Сильное мѣсто М. Сергія противъ всѣхъ, критиковавшихъ и просто ругавшихъ его, было то, что ничего положительнаго посовѣтывать ему никто не могъ, ибо никто и не зналъ, какъ жить и дѣйствовать въ Церкви дальше. Самъ Митрополитъ тоже зналъ только одно, что

жить какъ то надо и въ совѣтскихъ условіяхъ. Чтобы не сидѣть дальше въ отношеніяхъ къ власти между двухъ стульевъ и сказать, наконецъ, определенное «да» или «нѣтъ», нужно было или снова повернуть къ первой анаемѣ на большевиковъ Патріарха Тихона, или идти на полное подчиненіе имъ. О первомъ онъ и помыслить теперь не могъ, оно сдано въ архивъ и забыто безслѣдно, осуждено самимъ Патріархомъ, который оставилъ ему другой путь. Соловецкаго же посланія М. Сергій не читалъ. При обыскѣ, въ бытность его въ Нижнемъ-Новгородѣ, чекисты у него это посланіе нашли и М. Сергій долженъ былъ признаться, что, видя, что оно длинное, отложилъ его въ сторону [13]. Конечно, послѣ онъ его читалъ и на него, видимо, отвѣтилъ въ своемъ посланіи фразою, что «только кабинетные мечтатели могутъ думать, что такое огромное общество, какъ наша Православная Церковь, со всею ея организаціей, можетъ существовать спокойно, закрывшись отъ власти». Онъ — не мечтатель, онъ — человѣкъ жизни, практики, сталкивающейся непосредственно съ нуждами Церкви въ каждый моментъ. Настоятельная необходимость момента была — сохранить центральное церковное Управление. Благодаря неуступчивости первоіерарха, такое Управление въ сущности не существовало. Пока онъ самъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, будучи замѣстителемъ М. Петра, то перемѣнилось еще нѣсколько его замѣстителей, которые, по очереди, одинъ за другимъ, садились въ тюрьму. Временное отсутствіе центрального Управленія порождало расколы, которые фабриковало то же ГПУ, и уже сдѣлало ихъ два [обновленческой и григорьевской] именно въ такіе моменты безвластія. ГПУ возглавляло Церковь епископами, которые, сами обманутые, обманывали церковный народъ и дробили его на части. Самому М. Сергію пришлось выдержать борьбу съ григорьевскимъ Управленіемъ, попытавшимся возглавить Церковь вмѣсто него послѣ ареста М. Петра. Конечно, онъ зналъ, что безбожники не прекратятъ своего дѣла гоненія на религію и борьбы съ Церковью, но пусть хотя временно, доколѣ существуетъ Помѣстная Россійская Православная Церковь будетъ у нея и центральное Управление, сохраняющее ея внутреннее единство. А тамъ, авось, произойдетъ какая-либо перемѣна. Объ этомъ главномъ приобрѣтеніи Митрополитъ и извѣщаетъ въ своемъ посланіи, говоря, что «теперь наша Православная Церковь въ Союзѣ имѣетъ не только каноническое, но и по гражданскимъ законамъ вполне легальное центральное управление... Едва ли нужно объяснять значеніе и всѣ послѣдствія перемѣны, совершающейся, такимъ образомъ, въ положеніи нашей Православной Церкви, ея духовенства, всѣхъ церковныхъ дѣятелей и учреждений» [14]. Вотъ какое значеніе придаетъ своему приобрѣтенію самъ М. Сергій.

Конечно, для насъ, подавляющаго большинства членовъ церковнаго клира, было совершенно очевиднымъ, что никакихъ такихъ перемѣнъ не произойдетъ, а что

центральное церковное Управление существовать теперь будетъ, — этому мы вѣримъ, оно нужно ГПУ. Это будетъ единственное, первое и послѣднее наше приобрѣтеніе. На свободу же Церкви напрасны надежды.

Итакъ, главная цѣль, ради которой принесены были М. Сергіемъ всѣ жертвы, — полученіе легальнаго прочнаго центрального церковнаго Управленія, была достигнута. Кажется, удовлетворили великую насущную нужду Церкви. Но когда добились этой цѣли, то она оказалась такою пустою, ненужною и ничтожною, что не стоила совсѣмъ принесенныхъ жертвъ.

Церковное Управление, боявшееся безвластія въ Церкви и ради спасенія Церкви отъ самочиній и расколовъ попытавшееся сохранить себя, не только не спасло Церкви отъ новаго раскола, но и само породило его, тогда какъ до сего времени расколы создавало ГПУ. Митрополитъ принуждёнъ былъ снова спасти Церковь отъ раскола и бороться за ея единство. Всею властью каноническаго первоіерарха онъ сталъ запрещать въ священнослуженіи протестующихъ противъ его дѣяній епископовъ и священниковъ. Онъ пользуется безвыходностью положенія своего епископата, который, идя все время честнымъ путемъ, не могъ съ нимъ согласиться, но, въ то же время, и не зналъ теперь, куда отъ него уйти. М. Сергій первый изъ первоіерарховъ проявляетъ теперь всю силу своей власти. Онъ не только законный архіерей, но и особенно законный, до него еще не было такого законнаго, онъ — безошибочный папа, ему нельзя возражать подъ страхомъ прещенія. Онъ спасаетъ теперь единство Церкви своимъ правомъ насилія. Казалось, не лучше-ли всѣмъ дать возможность выйти изъ подъ своего владычества и показать гражданской власти, что совѣсть всего клира и народа не мирится съ такимъ положеніемъ?! Но, подавляя эту совѣсть правами законнаго, онъ думаетъ, что спасаетъ Церковь онъ, а не Церковь спасаетъ его. Однако, какъ онъ могъ поступить иначе? Могло ли ГПУ позволить ему не использовать своихъ правъ законнаго архіерея, когда оно на горькомъ опытѣ обновленцевъ узнало, что черезъ беззаконниковъ въ Церкви ничего не сдѣлаешь. Овладѣніе волею законнаго не было-ли главною цѣлью ГПУ?

Бѣдное церковное Управление подъ этимъ насиліемъ законныхъ своихъ правъ скрывало, конечно, внутреннее моральное безсиліе. Управление принуждено было отъ авторитетныхъ архіереевъ собирать письменныя признанія себя и распространять ихъ. Кажется, права на власть такъ безспорны, что снова доказывать ихъ не стоило. Что было несомнѣнно и въ чемъ Патріаршее Управление раньше не нуждалось, то теперь вдругъ стало сомнительнымъ и ему пришлось поступать по образцу обновленцевъ и григорьевцевъ. Патріаршее Управление не боялось словъ

враговъ, ибо онѣ были клевета и ложь, а теперь оно заколебалось, что-то такое надѣлало, отъ чего потеряло увѣренность въ себѣ.

Результаты соглашенія М. Сергія съ ГПУ, какъ и слѣдовало ожидать, были до крайности печальны. Все произошло такъ, какъ предполагалось. Синодъ М. Сергія включилъ въ свой составъ прежде всего Митрополита Тверскаго, нынѣ Саратовскаго, Серафима (Александрова), который и остается безсмѣннымъ членомъ этого Синода до нынѣ. Это былъ злой геній Патріаршаго Управленія. Однажды, въ его отсутствіи Патріархъ устроилъ засѣданіе епископовъ, на которомъ былъ возстановленъ на своей каѳедрѣ одинъ лишенный ея епископъ [15]. Прибывшій М. Серафимъ взялъ протоколъ этого постановленія и снесъ его въ ГПУ, отчего у Патріарха было много непріятныхъ разговоровъ съ агентомъ ГПУ. Одно дѣло, о награжденіи одесскихъ священниковъ, также черезъ него стало извѣстно ГПУ раньше, чѣмъ слѣдовало. А. Иларіонъ, за недѣлю до своего ареста, получилъ отъ него предупрежденіе въ томъ смыслѣ, что разъ власть ему не довѣряетъ, то нужно самому уйти отъ службы. ГПУ иногда рекомендуетъ это тѣмъ, чей арестъ для него неудобенъ почему-либо. А. Иларіонъ своимъ отказомъ М. Серафиму опредѣлилъ себя на заключеніе, которое за симъ и послѣдовало.

Кстати сказать, такую ужасную роль, посредника по дѣламъ ГПУ, выполняли обычно впавшіе въ расколъ епископы. Архіепископъ Евдокимъ (Мещерскій), обновленческой митрополитъ, въ стѣнахъ ГПУ, понуждалъ Митрополита Новгородскаго Арсенія перейти въ обновленчество. М. Арсеній сказалъ ему, своему бывшему сослуживцу по Московской Академіи:

— Но вѣдь вы же знаете, что обновленчество незаконно.

— Что же подѣлаешь, если они требуютъ, — отвѣтилъ А. Евдокимъ, кивая головой на дверь чекиста.

Когда М. Арсеній остался непреклоненъ, А. Евдокимъ съ гнѣвомъ сказалъ ему:

— Ну и сгнивайте въ тюрьмѣ!..

И съ этимъ покинулъ узника.

Другой Епископъ, Борисъ (Рукинъ), склонялъ заключеннаго Епископа Амвросія [Смирнова, нынѣ Архіепископа Вологодскаго] въ григорьевскій расколъ. Разговоръ

происходилъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и окончился злобою и угрозами несчастнаго раскольника.

М. Серафимъ, много знающій и умный человекъ, избѣгалъ расколовъ, но избѣгалъ и тюрьмы, чтобы послужить въ концѣ концовъ цѣлямъ ГПУ, находясь въ средѣ православныхъ. Пребыванія его подъ арестомъ были чрезвычайно кратки. Причины этого всѣмъ были понятны. Еще во времена полной свободы Патріарха, однажды послѣ службы въ Церкви св. Тихона Амаѳунтскаго на Арбатѣ, въ Москвѣ, въ которой я сослужилъ М. Серафиму, мнѣ пришлось въ разговорѣ съ нимъ слышать изъ устъ его порицанія Патріарху за то, что тотъ не идетъ на соглашеніе съ властью. Если это говорилось среди насъ, среди своихъ, то что же говорилось предъ чекистами и слѣдователями?

Помню, когда Борисъ Рукинъ, еще въ санѣ архимандрита, сидѣлъ со мною въ Московскомъ ГПУ и осуждалъ Патріарха вслухъ насъ заключенныхъ, то одинъ изъ «свѣтскихъ» моихъ союзниковъ сказалъ мнѣ: «этотъ долго не просидитъ». Конечно, онъ быстро освободился, но оставался около Патріарха и даже вскорѣ сдѣлался викаріемъ Московскимъ.

Роль М. Серафима — на глазахъ у всей Москвы. Ни одна Московская Церковь не приглашаетъ его на богослуженіе. Народъ его не выноситъ. За нимъ слава «митрополита Лубянскаго [16], завсегдатая ГПУ. И безъ этого человека ничто не дѣлается въ Синодѣ М. Сергія. За его политическую линію М. Сергій объявилъ его человекомъ «дальновиднымъ». Этотъ человекъ, наконецъ, восторжествовалъ, достигъ того, за что боролся, и нашель средѣ для приложенія всѣхъ своихъ силъ въ Синодѣ М. Сергія.

ГПУ получило желательный для себя Синодъ. Не даромъ М. Петръ его боялся; онъ зналъ, кто ходитъ на свободѣ и кто попадетъ въ его Синодъ.

Не говоря о епископахъ, назначеніе на мѣста священниковъ въ епархіяхъ стало проходить черезъ руки ГПУ.

Уже будучи въ бѣгствѣ, съ мѣста ссылки, и проѣзжая по Россіи въ поискахъ выхода къ границѣ, я былъ у одного епархіальнаго архіерея, стараго знакомаго по одному изъ мѣстъ моего заключенія. Не желая тревожить его страхомъ за меня и за себя хотя на нѣсколько часовъ нашего общенія, я ничего не сказалъ ему о своемъ положеніи бѣглеца, уже разыскиваемаго ГПУ. Поэтому, узнавъ, что я не хочу занимать своего мѣста въ Москвѣ, архіерей предложилъ мнѣ у себя въ епархіи

священническое мѣсто, предупредивъ по дружески, что онъ мою кандидатуру долженъ представить въ ГПУ. Ужъ не говорю, какъ это было не кстати для моего положенія, но и было противно моей душѣ до омерзенія.

— Нѣтъ, изъ такихъ рукъ я священническаго мѣста никогда не приму, — сказалъ я.

Оказывается, всякій разъ списки кандидатовъ на вакантныя мѣста подаются архіереемъ въ ГПУ, а оно уже избираетъ удобныхъ для себя лицъ. Эта новость сергіевскаго режима въ Церкви, можетъ быть, покажется сразу не такъ предосудительною, но надо же знать какимъ принципомъ руководится ГПУ въ выборѣ лицъ на священническія мѣста. Безчестнаго, порочнаго, недостойнаго своего званія священника, того, который отгоняетъ народъ отъ Церкви, убиваетъ въ немъ религіозное чувство, архіерей безсилень удалить изъ прихода, потому что онъ имѣетъ поддержку ГПУ, будучи и завѣдомымъ чекистомъ. ГПУ даже осмѣливается не только защищать такого отъ архіерея, но и требовать его назначенія, если онъ безъ мѣста. Всѣхъ сколько нибудь дѣятельныхъ, умныхъ, честныхъ, поддерживающихъ религіозное настроеніе въ массахъ, ГПУ неумолимо продолжаетъ устранять, будь они даже сергіевской оріентаціи. Большевики твердо помнятъ, чего они хотятъ и добиваются своего.

Положеніе сотрудника ГПУ (вѣдь, безобидная подписка быть «честнымъ» гражданиномъ и имъ, моимъ епископомъ, дана) совершенно не выносимо для моего епископа и доставляетъ ему тяжкія нравственныя страданія. Нервная система его расшатана, ночи онъ не спитъ, вызовы въ ГПУ и разговоры тамъ, хотя и являются весьма любезными, и чуть не дружескими, совершенно убиваютъ его и онъ чувствуетъ себя развалиною въ молодые свои годы.

Я доказываю ему необходимость отдѣлиться отъ М. Сергія и, конечно, идти опять въ тюрьму. Онъ говоритъ мнѣ, что этимъ дѣла уже не поправишь. Ничего не измѣнится отъ этого въ создавшемся порядкѣ. Бросить кафедру невозможно: народа жалко, народъ у него еще есть, и этотъ народъ не знаетъ, куда идти; остались храмы подъ знакомъ православныхъ только сергіевскіе. Можетъ быть, онъ уйдетъ за штатъ и замѣнитъ себя кѣмъ либо, потому что далѣе исполнять распоряженія ГПУ у него нѣтъ уже силъ.

Прежде епископы (кромѣ обновленческихъ и григорьевскихъ) въ ГПУ — чужіе люди. Теперь они — свои тамъ и почти-что завсегда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сергіевскіе епископы пользуются полнымъ довѣріемъ ГПУ. Такъ, наприимѣръ, въ одномъ мѣстѣ касса кафедральнаго собора, по предложенію ГПУ, цѣликомъ

находится въ рукахъ архіерея, вопреки всякимъ совѣтскимъ правиламъ и обычаямъ, и приходскій совѣтъ безъ его разрѣшенія не можетъ истратить ни одной копейки, его боится и съ нимъ считается, зная, кто стоитъ за его спиною.

Отъ одного архіерея, имя котораго, какъ и другихъ многихъ, не называю, ГПУ потребовало подать списки на всѣхъ монаховъ и монахинь города и епархіи. Онъ подалъ такіе списки и тотчасъ всѣ они поголовно были арестованы и сосланы въ мѣста ссылки. При этомъ, само же ГПУ не постѣснялось распространить слухъ, что оно здѣсь непричемъ, а виноватъ во всемъ архіерей, который подалъ на нихъ списки. Конечно, это — клевета, но пособничество было, дѣйствительно, и со стороны архіерея.

Зачѣмъ играть такую позорную роль? Но какъ быть иначе для сергіевскаго епископата? Тихоновскіе епископы не имѣли нужды въ такой работѣ. Ихъ дѣло было сидѣть по тюрьмамъ. А этимъ надо быть на свободѣ, чего никакъ ГПУ даромъ не можетъ предоставить духовенству.

Одинъ епископъ получилъ отъ М. Сергія назначеніе на епархію. Агентъ ГПУ поздравилъ его съ назначеніемъ и добавилъ:

— Теперь придите ко мнѣ (разумѣется, на Лубянку): договоримся.

Нужно замѣтить, агентъ ГПУ бываетъ дважды въ недѣлю [а одинъ разъ непременно] въ Управленіи М. Сергія. Важно обойдя всѣхъ просителей и разспросивъ cadaго — откуда онъ и зачѣмъ явился сюда, чекистъ уединяется съ М. Сергіемъ. Но, большею частью, вмѣсто себя, въ канцелярію сергіевскаго Синода, старшій агентъ посылаетъ своихъ помошниковъ.

Указанный мною епископъ отказался отъ каѳедры и на Лубянку не пошелъ. Но если кто не имѣлъ мужества отказаться отъ каѳедры во время, тотъ обязанъ бываетъ получать напутствія отъ ГПУ, если ГПУ находитъ нужнымъ ихъ дать. Въ провинціальномъ же ГПУ, вновь прибывшему епископу, не мало подождавшему въ приѣмной, начальникъ ГПУ наставительно и серьезно говоритъ:

— Совѣтую вамъ твердо держаться Митрополита Сергія, въ этомъ ваше спасеніе [разумѣется, отъ репрессій ГПУ].

Таковы факты.

Конечно, какъ предполагалось, талантливѣйшіе и дѣятельнѣйшіе архіереи, хотя и признали М. Сергія, не получили каѳедры. ГПУ не позволило.

Вспоминается Патріархъ. Тотъ давалъ свои назначенія. И пусть архіереи, отправляясь въ одну сторону, попадали въ противоположную. ГПУ дѣлало, что хотѣло и могло, но и Патріархъ исполнялъ свой долгъ передъ Богомъ и Его Церковью по совѣсти. А теперь ГПУ наносило намъ удары нашими руками.

Пойдя за М. Сергіемъ, повинуюсь ему, какъ законному іерарху, при великихъ компромиссахъ совѣсти своей, лучшая часть епископата зачеркнула годы своего сидѣнія въ тюрьмахъ и ссылкахъ, честнаго пути и борьбы. М. Сергій сдалъ свой епископальскій врагу. Моральныя силы епископата, согласившагося работать съ нимъ, низложены имъ.

Что сказать о прочемъ духовенствѣ? Если сказать о большинствѣ, то, конечно, оно со дней борьбы съ обновленчествомъ пошло по линіи наименьшаго сопротивленія. Легкій и удобный путь, конечно, склоняетъ на свою сторону большинство. Обновленчество сулило покой, освобождало отъ тюрьмы, — почти всѣ пошли въ него. Прошелъ острый періодъ первой борьбы, когда всѣ дѣятели были арестованы, — они возвратились обратно, въ Православіе, поскольку народъ этого потребовалъ. При М. Сергіи — снова испытаніе. Конечно, большинство духовенства охотно послѣдовало за М. Сергіемъ: лишь бы подальше отъ тюрьмы. Народъ, поднявшій ропотъ противъ М. Сергія, осаждалъ свое духовенство, желая знать его отношеніе къ Митрополиту. Слушая всякія хитросплетенія въ защиту его изъ устъ своихъ духовныхъ отцовъ, народъ съ великимъ огорченіемъ понималъ, что все это говорится ими «для спасенія собственной шкуры». Это и выражалось часто въ глаза отцамъ. Слишкомъ знакома была всѣмъ эта психологія. Не знаю, какія моральныя силы могъ подорвать М. Сергій у большинства рядового духовенства, но что психологія этого большинства могла подорвать моральныя силы самого М. Сергія — это я допускаю.

Какую дальнѣйшую борьбу можно было возложить на плечи духовенства? Обновленчество не есть ли бунтъ рядового духовенства противъ Патріарха, возложившаго дѣло борьбы съ властью на всю Церковь и не шедшаго съ властью на примиреніе? Я, маленькій священникъ, не былъ ли одинокъ въ борьбѣ съ обновленчествомъ въ своемъ трехштатномъ причтѣ и не скорбѣлъ ли въ моей ссылкѣ, что приходъ мой уходитъ къ М. Сергію безъ борьбы, которой я, отсутствуя самъ, ни на кого не могу возложить? Но и что могло быть, если бы М. Сергій объявилъ борьбу съ властью? Не то же ли, что при изыятіи Церковныхъ цѣнностей,

когда, не взирая на послание Патриарха, всё, отъ страха репрессій, взялись сами рѣшать вопросъ объ отдачѣ цѣнностей. Обозрѣвая настроеніе подавляющей массы духовенства, той массы, которой надлежитъ выдержать всю тяжесть борьбы и принять главные удары врага, М. Сергій и могъ склониться дать этой массѣ безболѣзненную кончину. Пусть имѣютъ центральное Управление и его держатся, пока все само собой не кончится въ общемъ порядкѣ ликвидаціи всякой религіи и Церкви въ Россіи. Итакъ, если теперь самъ М. Сергій пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія, то кому онъ угодилъ, какъ не массѣ духовенства?

Повторяю, что разговоръ идетъ о большинствѣ духовенства. Меньшинство оказало сопротивленіе М. Сергію. Нашлись священники въ той же Москвѣ, какъ и въ провинціи, которые не признали М. Сергія. Народъ бросился къ нимъ. Но на этотъ разъ сопротивленіе продолжалось не долго, меньше, чѣмъ при обновленцахъ. Извѣстными доводами о каноничности М. Сергія и о будущемъ Соборѣ, который будетъ судить его, уполномоченные М. Сергія «уговорили» подчиниться если не всѣхъ возставшихъ противъ него, то большую часть ихъ. (Какъ не подчиниться, если за непризнаніе М. Сергія начали арестовывать!) Во всякомъ случаѣ, такъ сдались наиболѣе самоотверженные и честнѣйшіе пастыри.

Слѣдуетъ подчеркнуть любопытный фактъ: и сторонники М. Сергія утверждаютъ, что его непременно надо судить. Поистинѣ, преступленія не скроешь и напрасно трудишься, подавляя голосъ совѣсти своей и чужой.

Итакъ, народъ въ заключеніе остался съ храмами только М. Сергія. Другихъ не осталось. Пастыри завели народъ туда, куда сами пошли. Со дней обновленчества и далѣе, народъ смущали и разбивали на части вожди его, но, наконецъ, настала такая пора, при М. Сергіи, когда и православные христіане не знаютъ, куда голову приклонить. Ходить въ храмы М. Сергія, гдѣ поминается его имя и возносятся молитвы за совѣтскую власть, ни у кого душа не лежитъ, но идти больше некуда. Не ходить въ эти храмы, значить остаться совѣмъ безъ храмовъ, безъ богослуженія, безъ религіи. Рѣшиться на это большинство вѣрующихъ совершенно не можетъ. Остается, съ тяжкимъ компромиссомъ совѣсти, идти за М. Сергіемъ [17].

Архіерей, у котораго я кратко гостилъ въ дни моего бѣгства, умолялъ меня не обмолвиться ни однимъ словомъ противъ М. Сергія въ присутствіи его пасомыхъ. Надо хранить покой народа. Но я потомъ многократно убѣждался въ своихъ скитаніяхъ, что, дѣйствительно, ничего не надо говорить: всё сами все знаютъ. Только не говори, чтобы не причинить скорби, отнимая послѣднія святыни. И молчишь, избѣгаешь разговора на эту тему, потому что, когда начинаютъ ужасаться

и спрашивать: «что же дѣлать? куда идти?» — то ты ничего посовѣтывать не можешь. Борясь съ обновленцами, мы говорили народу: «оставьте ихъ, пусть храмы ихъ будутъ пусты». И народъ слушался: храмы обновленцевъ оставались безъ людей, потому что людямъ было еще куда идти. Народъ могъ отстоять путь истины. Теперь же онъ безсиленъ, онъ оставленъ пастырями, ему незакѣмъ идти.

Теперь съ народомъ случилось то же, что съ лучшею частью епископата и духовенства: вопреки совѣсти идти за своимъ вождемъ; не свободно и радостно, а какъ плѣнникъ или проданный рабъ. Въ силу этого, съ народомъ случилось большое духовное несчастье; у него отнята душа, всякое воодушевленіе въ борьбѣ за вѣру, ревность, усердіе къ служенію истинѣ. Сначала отняты вожди, любимые архіереи и священники, въ которыхъ имѣли радость и духовную поддержку, потомъ случилось худшее: не только всѣ оставшіеся, но и любимые измѣнили истинѣ, пали, принесли пасомымъ тяжкія разочарованія. Ни на кого нельзя надѣяться. Если архіереи и священники сами не знаютъ истины, или знаютъ, но сознательно лгутъ, у нихъ нѣтъ правды и честности, то на что же надѣяться? Такъ говорятъ люди. Поэтому: — «поражу пастыря и разсѣются овцы».

Прежде, при Патріархѣ, моральная сила всей Церкви противостояла грубому физическому насилію власти. Теперь этой силы не стало ни въ духовенствѣ, ни въ церковномъ народѣ вслѣдъ за ихъ вождемъ.

Таковы результаты соглашенія М. Сергія съ ГПУ. Для врага самое главное было — низложить моральныя силы церковнаго народа, ибо онъ боялся героизма, протеста, единодушія. И этого онъ, наконецъ, дождался. Что такое закрытіе и разрушеніе храмовъ въ Россіи? Для врага Церкви это было дѣло второе и послѣднее. Главное для него было — уничтожить насъ нравственно, духовно. Чего онъ самъ не могъ сдѣлать, въ томъ мы ему помогли: вѣдь овладѣть духомъ — не то, что тѣломъ. Первое всегда до смерти въ нашей власти. Только здѣсь мы независимы. Ослабивъ силы духа, сломивъ его сопротивленіе, онъ уже дѣлаетъ далѣе все, что хочетъ. Постепенно онъ своей цѣли добивался и поскольку ослабѣвало нравственное сопротивленіе Церкви, постольку не стѣснялся физическаго насилія надъ нею. Неужели это не фактъ?. Чѣмъ объяснить, что безъ протеста массъ уничтожаются на ихъ глазахъ ихъ святыни? Конечно, общимъ моральнымъ упадкомъ.

А отъ людей самоотверженныхъ и глубоко вѣрующихъ я слышалъ и такое разсужденіе:

— Разъ всѣ исподличались и между духовенствомъ нѣтъ честныхъ людей, то уничтожай, Господи, все!

Конечно, это — отчаяніе, но моральное состояніе вождей Церкви привело въ отчаяніе и такихъ людей. Пастыри и народъ связаны неразрывно.

Церковь М. Сергія отказалась быть мученицей, страдальницей за вѣру. Прейняя тихоновская Церковь была бѣльмомъ на глазу у большевистской власти: она своимъ упорствомъ стѣсняла свободу дѣйствій власти надъ нею, мѣшала поскорѣе съ нею расправиться. На эту Церковь могла опираться и указывать за граница, какъ на голосъ истины, подлинной правды положенія въ той же Россіи. Она была свидѣтельницей гоненія на религію. Поэтому, большевикамъ она казалась моральнымъ оплотомъ зарубежной контръ-революціи; она поддерживала и внутреннюю контръ-революцію. Нужно было, чтобы вся Церковь отказалась отъ мученичества, какъ въ свое время отказался Патріархъ, который принесъ этимъ большое разочарованіе за границе и радость большевикамъ.

Кто же теперь окончательно развязалъ руки врагу для расправы съ Церковью, какъ не М. Сергій? Не этого ли хотѣла большевистская власть? Словомъ своимъ онъ снялъ всякое обвиненіе противъ совѣтской власти и дѣломъ допустилъ ее къ власти надъ Церковью. Теперь погибай безъ поддержки и сожалѣнія. Кто тебѣ будетъ сострадать послѣ этой лжи? Кому ты нуженъ? Кто на тебя будетъ опираться въ борьбѣ съ большевиками? Кто будетъ къ твоему голосу прислушиваться? Для кого ты авторитетенъ?

М. Сергій и его Церковь — не величина. Они — какъ ничто. Большевики низложили насколько могли всякій авторитетъ и значеніе Русской Церкви. И дѣло физической ликвидаціи Церкви пошло легко, безъ всякой помѣхи.

Понятно, почему выступленіе М. Сергія большевистская печать встрѣтила, какъ событіе большой важности.

— Тихоновцы долго упорствовали. И тихоновцамъ пришлось перекрашиваться въ совѣтскіе цвѣта.

Такъ ликовала официальная газета по поводу паденія тихоновщины. Сдавалась та самая Церковь, которая считалась гонимой, которая страдала. Тихоновцевъ просто не стало. Появились сергіевцы, за которыми укрѣпилось это имя; а имя «тихоновцевъ» къ нимъ не пристало, оно почти совсѣмъ исчезло въ совѣтской

Россіи. Некого стало этимъ именемъ называть. Если Патріархъ берегъ Церковь и власть надъ нею не уступалъ ГПУ, и правилъ ею самъ, а М. Сергій поступилъ наоборотъ, то управляемая М. Сергіемъ Церковь не есть патріаршая или тихоновская Церковь, какъ называли ее въ отличіе отъ обновленческой, а именно сергіевская.

М. Сергій увѣрялъ и письменно и устно, что онъ, преемникъ власти Патріарха, выполняетъ только то, что Патріархъ обѣщаль сдѣлать, и не сдѣлалъ, т. е., иначе сказать, М. Сергій считалъ своею заслугою то, что является именно его преступленіемъ. Патріархъ, дѣйствительно, давалъ обѣщанія власти и не выполнялъ ихъ. Сдѣлавъ невольную ошибку своимъ выходомъ изъ заключенія и покаяніемъ передъ властью, Патріархъ, съ одной стороны, обязалъ себя хранить миръ съ властью, выполняя ея заданія, а съ другой, сталъ предъ долгомъ своимъ въ отношеніи къ Церкви, противъ которой власть боролась. Поэтому, стараясь ничего не возложить на Церковь, онъ грѣхъ своихъ обѣщаній принималъ на себя и самъ страдалъ. А этотъ взялся выполнять обѣщанія Патріарха и заданія власти и на Церковь положилъ всю тяжесть своихъ обязательствъ предъ властью. Изъ дѣятельности Патріарха, его преемники Митрополиты Петръ и Сергій сдѣлали разные выводы: первый усвоилъ духъ и смыслъ этой дѣятельности — моральную стойкость въ исполненіи долга своего къ Церкви, а второй разсудилъ по внѣшности и сталъ выполнять обѣщанія и слова Патріарха, которыя тотъ вынужденъ былъ давать. У М. Сергія своя послѣдовательность. Старый членъ Синода счастливыхъ царскихъ временъ Россіи и всегда покорный слуга его оберъ-прокурора, государственнаго чиновника, хорошо знакомый съ требованіями власти въ отношеніи къ Церкви, можетъ быть, онъ ничего новаго и не могъ замѣтить въ своемъ договорѣ съ ГПУ. По внѣшности, конечно, ничего. Если оберъ-прокурорамъ можно было подчиняться, то почему этимъ нельзя? Такъ разсуждали и обновленцы. По логикѣ такъ, а по правдѣ, которою живетъ Церковь, не такъ. Нельзя проглядѣть маленькую сущность, если на обязанности оберъ-прокуроровъ всегда была — защита, созиданіе и укрѣпленіе Церкви, то у этихъ — разрушеніе и уничтоженіе ея. Не логика ума, а совѣсть, чувство правды руководили душою церковнаго народа, который протестовалъ противъ союза церковной власти съ властью безбожниковъ. Но что подѣлаешь? Богу, видно, угодно было чрезъ кого-то отдать Церковь въ руки этой безбожной власти.

М. Сергію, конечно, самому же первому пришлось пожинать результаты своего союза съ властью. Передъ одною своею литургіею онъ получилъ телеграмму изъ Петрограда о смерти въ тюрьмѣ А. Иларіона. Митрополитъ заплакалъ. Но когда его попросили о панихидѣ по усопшемъ послѣ литургіи, Митрополитъ отвѣтилъ:

— Распоряженія еще не получено.

Такъ, онъ не служилъ панихиды и по Архіепископѣ Воронежскомъ Петрѣ (Звѣревѣ), умершемъ въ Соловкахъ. Конечно, кто запретилъ поминовение въ Церквахъ заключенныхъ, какъ контръ-революціонеровъ, тотъ и самъ не могъ служить по нимъ панихиды. Онъ стѣснилъ себя въ правѣ молитвы даже за умершихъ своихъ друзей, передавъ это право безбожной власти. Ужъ въ этомъ его предшественники себя не стѣсняли и на молитву со своимъ народомъ распоряженія отъ власти не ждали.

Будучи такъ робокъ предъ властями, онъ чрезвычайно смѣлъ и мужествененъ предъ своими безпомощными собратьями архіереями и подчиненными, тогда какъ у предшественниковъ его было наоборотъ. Вслѣдъ за смертью А. Иларіона, по которомъ онъ не осмѣлился служить панихиды, онъ (въ Январѣ 1930 г.) посылаетъ запрещеніе въ священнослуженіи Митрополиту Казанскому Кириллу, который изъ ссылки своей заявилъ, что онъ принять участія въ грѣхахъ М. Сергія не можетъ и причащаться святыхъ Таинъ съ нимъ бы не сталъ.

М. Сергій самъ себя цѣнитъ по достоинству. Въ прощенное воскресенье въ 1929 г. [какъ мнѣ писали въ ссылку] М. Сергій въ моемъ храмѣ просилъ прощенія у народа. Онъ говорилъ такъ грустно, такъ печально, такъ признавалъ свои проступки предъ народомъ и просьба о прощеніи носила такой искренній характеръ, что всѣмъ стало его жаль до крайности, и даже тѣ, кто у него и у его клира не причащался, подошли къ нему подъ благословеніе. И такъ, выходъ изъ положенія у М. Сергія всегда есть. Онъ каяться можетъ, и знаетъ свои грѣхи. Не въ закоулкѣ, а вслухъ всей Россійской Церкви онъ бы могъ сказать, что попытки примиренія съ властью и уступокъ ей напрасны, что Церковь ведется къ уничтоженію, что церковные люди страдаютъ безъ всякихъ политическихъ преступленій противъ власти, а за одну только свою ревность по вѣрѣ, могъ бы сказать все, все, сказать и умереть. Отказаться отъ союза съ властью, покаяться предъ народомъ, сказать всю правду, объявить о закрытіи своего Синода, объявить самостоятельность управления въ каждой епархіи (какъ это было предусмотрено и Патриархомъ) — сдѣлать это и идти на Голгоѳу онъ бы могъ. Лучше честно умереть, чѣмъ подло жить. Меня эта мысль воодушевляла въ борьбѣ съ обновленцами. Такъ отвратительнымъ мнѣ показалось лгать и обманывать предъ своимъ приходомъ. Да я ли одинъ такъ думалъ? Кѣмъ были забиты мѣста заключенія и ссылки?

Одному изъ ближайшихъ сотрудниковъ М. Сергія я писалъ изъ ссылки:

— Закрывайте вашу лавочку; сдѣлайте великое, святое дѣло...

Мнѣ онъ отвѣчалъ:

— Ты съ ума сошелъ...

Ну, конечно; вѣдь они не фантазеры, а здоровые, практичные люди. Они стоятъ на почвѣ фактовъ жизни. Надо жить, и они рѣшили жить. А христіанство? Ужъ не оставляютъ ли они его въ удѣлъ «кабинетнымъ мечтателямъ?»

Если М. Сергій подтвердилъ ложь власти, что духовенство преслѣдуется и сидитъ въ тюрьмахъ за политическія преступленія и что закрытіе и разрушеніе храмовъ, т. е., гоненіе на религію есть дѣло самого народа, то, конечно, по его мнѣнію, ложь и клевета есть прекрасное практическое средство для доброй цѣли — сохраненія его церковнаго Управленія. Свое положеніе законнаго архіерея Церкви, свой епископатъ и духовенство, и свой народъ, всю Церковь Русскую онъ принесъ въ жертву власти. Для оправданія послѣдней, онъ всѣхъ оклеветалъ.

Конечно, единственнымъ утѣшеніемъ для него могло быть то, что никто нигдѣ не повѣрилъ его лжи. Въ самомъ дѣлѣ, какую нужно имѣть голову, чтобы думать, что онъ находится внѣ вліянія ГПУ и что слово и дѣло его свободны?! Кто присоединится къ его обвиненіямъ своего народа, зная, что виновникъ и насадитель безбожія, инициаторъ всѣхъ преступленій противъ вѣры, развратитель молодежи, есть сама власть большевистская? Кто не знаетъ, что политически виновное предъ большевиками духовенство частью перебито, частью ушло за границу, и если бы за заключеннымъ нынѣ духовенствомъ было хотя малѣйшее политическое преступленіе, оно бы давно не было въ живыхъ. Власть донинѣ не боится убивать священниковъ, будь на то малѣйшій поводъ. Напротивъ, пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для этого [18]. Все это знаетъ М. Сергій; онъ знаетъ, что въ его заявленіяхъ ради власти, нѣтъ ни малѣйшей доли правды. Вѣдь въ послѣднее время въ Москвѣ была арестована та часть московскаго духовенства, признавшая, притомъ, М. Сергія, которая ничѣмъ другимъ не отличалась, какъ только особеннымъ усердіемъ къ богослуженію, собиравшему много людей. Признаніе М. Сергія, явно выраженная политическая благонадежность имъ нисколько не помогла. Хотя все это знаетъ М. Сергій, но выйти изъ положенія не можетъ и остается въ своей ужасной роли — идетъ вмѣстѣ съ ГПУ противъ своего епископата и народа, авторитетомъ законнаго главы Русской Церкви прикрываетъ, оправдываетъ въ глазахъ всего міра преступленія власти, защищаетъ ея беззаконія.

Однако, мы должны быть твердо убѣждены, что изъ всего, что было напечатано отъ имени М. Сергія, не все принадлежитъ ему. Въ обычаѣ ГПУ дѣлать отъ себя вставки, искаженія и чистые подлоги въ разныя деклараціи авторитетовъ и такъ ихъ печатать. А потомъ попробуй-ка ихъ опровергать!

Сектантскій съѣздъ постановилъ, что вопросъ объ отбываніи воинской повинности долженъ рѣшаться каждымъ по своей совѣсти. Появившись въ печати, это постановленіе опредѣленно обязывало всѣхъ къ отбыванію воинской повинности. На мѣстахъ поднялся бунтъ противъ президіума съѣзда, исказившаго рѣшеніе съѣзда. Президіумъ сталъ разсылать опроверженія газетнаго сообщенія и за эту свою контръ-революцію сѣлъ въ тюрьму [19].

М. Сергій, конечно, могъ бы опровергать то, что ему не принадлежитъ (а что такое есть, кое-кому имъ, кажется, сказано), но согласившись исполнять заданія ГПУ въ главнѣйшемъ, существенномъ, нужно было волей-неволей принимать остальные непріятныя мелочи, которыя можетъ безъ конца доставлять такой безстыдный другъ, какъ ГПУ. Надо уже было принимать на себя все и давать свое имя на все, что онъ хочетъ. Верблюды были проглочены, а отъ комара бѣжать уже нечего. Словомъ меньше, словомъ больше, не все ли равно?! Никакихъ опроверженій и отказа отъ своихъ дѣлъ М. Сергій уже дѣлать не хочетъ. Вѣдь, онъ честный путь уже прошелъ и самъ не разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Онъ сдалъ, вѣдь, свои позиціи послѣ сраженія. Прежній образъ его мыслей былъ одобряемъ всею Церковью. А теперь, если сдался, то не для того, чтобы поворачивать назадъ и снова бороться.

Какъ хорошо было бы, если бы мы въ своемъ этомъ послѣднемъ выводѣ ошибились!

4.

Соглашенію М. Сергія съ большевистскою властью и самое широкое и полное безпристрастіе должно вынести рѣшительное осужденіе, не говоря уже о томъ, что христіане должны стать, прежде всего, на судъ предъ требованіями христіанства и отъ послѣдняго получить свою оцѣнку.

Но должны поспѣшить оговориться, что это же безпристрастіе выносить и прощеніе, въ которомъ выражается все наше сочувствіе къ немощи человѣка, пониманіе трудности его положенія, всякое наше извиненіе, и снисхожденіе, и состраданіе къ состоянію падшаго. Однако, въ прощеніи грѣха наличіе грѣха утверждается, въ прощеніи есть то самое, что надо простить. Поэтому, простить

преступленіе никакъ не значить одобрить его, или сдѣлаться соучастникомъ его, или, въ доказательство своего прощенія, еще и начать вмѣстѣ съ согрѣшившимъ грѣшить. Спасши блудницу отъ побіенія камнями со стороны жестокихъ обвинителей, Христосъ Господь говоритъ ей:

— Женщина! Гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя?

Она отвѣчала:

— Никто, Господи.

Иисусъ сказалъ ей:

— И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не грѣши [20].

Грѣшница не осуждена, помилована, но грѣхъ осужденъ. Не надо было грѣшить раньше, не надо и впредь.

Какой грѣхъ совершилъ М. Сергій?

Грѣхъ обновленческой, съ которымъ Церковь такъ боролась.

Въ чемъ состоялъ этотъ грѣхъ?

Въ соглашеніи съ большевистскою властью, которая имѣетъ цѣль (открыто исповѣдуемую ею) — уничтожить религію.

Грѣхъ этотъ, такимъ образомъ, состоитъ въ измѣнѣ своимъ собственнымъ цѣлямъ, своей сущности, своему призванію, какъ религіи, какъ Церкви, грѣхъ противъ себя самого, какъ блудъ — противъ собственнаго своего тѣла.

Соглашеніе Христовой Церкви съ безбожною властью — фактъ, глубоко, по существу, безнравственный. Не будь ранѣ священно-историческаго примѣра, мы бы не умѣли оцѣнить его по достоинству.

Народъ еврейскій за свой союзъ съ язычниками названъ былъ блудницею, ибо измѣнялъ Богу, своему союзу съ Нимъ.

Конечно, несмотря на тяжесть преступления, народъ этотъ все же оставался избранникомъ Бога, Его женою, невѣстою. Жена — невѣрна, Богъ вѣренъ ей, вѣренъ народу Своему, хотя бы ради того остатка вѣрныхъ Ему, который еще хранился въ народѣ. Во времена всеобщей измѣны евреевъ Богу, семь тысячъ изъ народа не преклоняло колѣнъ своихъ предъ Вааломъ.

Итакъ, мы не останемся безъ вѣры и утѣшенія при всей глубинѣ нашего паденія. Но и паденія нашего не скроемъ, не станемъ оправдывать его, но осудимъ его сами, чтобы и впредь не грѣшить и прощеніе получить.

По поводу выступленія М. Сергія обновленцы торжествовали. Затрудняюсь описать это торжество. Это былъ не смѣхъ, — да простится мнѣ грубость сравненія! — а лошадиное ржаніе: громкое, грубое, откровенное до цинизма, необузданное веселье.

Въ лицѣ М. Сергія, такъ называемые, православные, усвоили, наконецъ, ту форму отношеній къ власти, которой они, обновленцы, держались отначала; православные, наконецъ, «кое-чему у нихъ научились» и «перешли изъ приготовительнаго класса въ первый», какъ выражался по этому поводу вождь обновленчества [21]. Спѣшимъ добавить: и превзошли своихъ учителей-обновленцевъ; послѣдніе принуждены были завести въ своихъ храмахъ моленіе о властяхъ только благодаря почину М. Сергія, тогда какъ до него даже у нихъ этого не было.

Обновленцы оправдались, если можно вообще оправдать свои грѣхи чужими грѣхами. Они оказались правы. Они претерпѣли столько позора, оплеванія, народной ненависти за свое соглашеніе съ властью; но вотъ тѣ, которые боролись за независимость Церкви отъ власти, не кончили-ли тѣмъ же, чѣмъ и они? Пройти черезъ тюрьму и ссылку, такъ много пострадать и, наконецъ, отказаться отъ своего пути, найти его несостоятельнымъ! Зачѣмъ были эти труды и страданія? Не правы-ли обновленцы? Не «дальновидны»-ли они?

Итакъ, торжествуя по поводу нашего паденія, обновленцы полагали, что мы съ ними сравнялись въ существенномъ.

Отказъ отъ всякихъ политическихъ убѣжденій или аполитичность, которой я держался отъ начала нашей церковной борьбы съ большевистскою властью, оказалась моей фантазіей, несбыточной мечтою.

«Существовать въ государствѣ спокойно, закрывшись отъ власти», — говоря словами М. Сергія, — Церковь, дѣйствительно, не сумѣла. Ужъ какое тамъ

спокойствіе! Хотя бы не спокойно она жила, но только бы закрывшись отъ власти, сохраняя отъ нея свое внутреннее царство, и то было бы хорошо. Но вотъ сколько ни очищались отъ политики, а политической дѣятельности не избѣжали. Если не противъ большевистской власти, то за нее, на поддержку ея должны стать. А такая поддержка есть работа противъ себя, самоубійство, измѣна Церкви, своему долгу и призванію.

Первые обновленцы стали на службу большевистской политикѣ. Они же заставили Патріарха выйти изъ заключенія и сдѣлать какія-то уступки власти. Обновленцы обвиняли Патріарха, вмѣстѣ съ большевиками, въ политическихъ преступленіяхъ противъ власти; а когда Патріархъ призналъ себя въ этомъ виновнымъ предъ властью, то обновленцы громогласно объявили, что они были правы. Это была единственная маленькая побѣда обновленцевъ среди тяжкихъ пораженій, полученныхъ ими отъ Патріарха и всѣхъ православныхъ. Но на обновленческой путь соглашенія съ властью, чтобы служить политикѣ ея, Патріархъ не сталъ. Онъ отрекся отъ прежней политики и вообще отъ всякой политики. Еще въ 1919 году, черезъ годъ послѣ анаѳематствованія большевиковъ, Патріархъ особымъ посланіемъ предложилъ духовенству, конечно, ради облегченія участи его въ совѣтскихъ условіяхъ, прекратить политическую борьбу съ большевиками. Это былъ первый отказъ его отъ политики. И теперь, при выходѣ изъ тюрьмы, въ моментѣ весьма торжественномъ, Патріархъ повторилъ, въ сущности, тоже самое, но въ формѣ своего личного покаянія. Дальше этого онъ не пошелъ. Никакихъ новыхъ уступокъ власти онъ не сдѣлалъ. Церковь хранила свою внутреннюю независимость отъ большевистской власти и служить цѣлямъ ея не стала. И положеніе Церкви было все такимъ же, какъ и до ареста Патріарха: нелегальное, среди насилій?

Я, который въ смыслѣ Патріарха очищался отъ всякой политики, съ какимъ негодованіемъ думалъ въ тѣ времена объ обновленцахъ, нашихъ же священникахъ!

— Отцы, отцы! не все-ли равно вамъ кому служить? Православному-ли Царю или кучкѣ негодяевъ-безбожниковъ? Не могутъ очиститься отъ политики. Изъ однихъ объятій спѣшатъ въ другія, готовые на всѣ услуги! Не блудь-ли это?!

Съ такимъ сознаниемъ нашего превосходства думали и всѣ мы, православные христіане, объ обновленцахъ. Но вотъ и нашъ православный первоіерархъ пошелъ по стопамъ «мудрыхъ» его предшественниковъ. Эти предшественники — не Патріархъ и не М. Петръ. Послѣдній держался духовнаго, не писаннаго завѣщанія Патріарха, — моральной стойкости противъ физическаго насилія власти.

Легализація церковнаго Управленія на условіяхъ союза съ властью и отдачи Церкви

на услуги ей, есть дѣло обновленцевъ и григорьевцевъ. М. Сергій соблазнился легализаціей церковнаго Управленія и съ нимъ всей огромной Церкви, которая жила до него десять лѣтъ на нелегальномъ положеніи. Онъ первый въ Церкви достигъ «великой» цѣли, которой до него никто не могъ достигъ, хотя на глазахъ у этой Церкви уже получила легализацію чисто мошенническая организация обновленцевъ [22]. Но возможна-ли она была для Церкви?

Если М. Сергій — не «кабинетный мечтатель», а практикъ, который черезъ соглашеніе съ властью долженъ былъ дать законное и свободное существованіе Церкви и въ совѣтскихъ условіяхъ, то «практической» расчетъ его, какъ это мы уже видѣли, оказался совсѣмъ не практиченъ. Добавить должно только то, что та самая масса духовенства, которой М. Сергій наиболѣе угодилъ, не миновала неизбѣжной участи. Нарочно, въ видахъ той же ликвидаціи религіи и Церкви, власть накладываетъ такіе налоги на духовенство, какихъ оно не въ силахъ платить, и сажаетъ его цѣлыми партіями въ тюрьмы, и закрываетъ приходы; часть духовенства стоитъ съ протянутою рукою около храмовъ (въ Москвѣ, на примѣръ,) прося милостыню; съ другихъ цѣлыхъ группъ духовенства большихъ городовъ взята подписка о невыѣздѣ, чтобы, такимъ образомъ, сохранить готовые кадры для ссылки на принудительныя работы [23]; духовныхъ лицъ лишаютъ квартиръ и, въ то же время, ихъ никто не хочетъ брать на квартиры изъ боязни репрессій, которыя за это тотчасъ и слѣдуютъ; имъ не даютъ хлѣбныхъ карточекъ; ихъ не убиваютъ, но и жить имъ не позволяютъ. Но эти страданія, пришедшія, главнымъ образомъ, послѣ соглашенія М. Сергія съ властью, легли на плечи духовенства безъ всякаго утѣшенія, когда смыслъ борьбы потерянь: власти все сдано. Такъ, не желавшіе бороться за Церковь, усиленно избѣгавшіе тюрьмы, ея не миновали. Избѣгавшіе сидѣть въ ней за истину церковную, сѣли за неуплату налоговъ. Врагъ неумолимъ, нашимъ соглашеніемъ не подкупленъ и смѣется надъ нашимъ практическимъ расчетомъ, непрестанно готовя намъ уничтоженіе. Намъ, церковникамъ, и прежде и въ настоящемъ, въ удѣлъ дана тюрьма. Единственное освобожденіе отъ тюрьмы и надежный практической расчетъ — въ переходѣ въ безбожіе, въ публичномъ отреченіи отъ Церкви, и Христа, и Бога. И это своевременно многіе поняли и поспѣшили на этотъ путь [24]. Какъ же иначе? Или съ ними, или противъ нихъ, «да» или «нѣтъ», и ничего посрединѣ, никакихъ соглашеній, обоюдныхъ уступокъ, компромиссовъ, ибо врагъ вамъ ничего не уступитъ.

Сидѣніе въ тюрьмѣ мы получили отъ врага за свою твердость и этою твердостью хранили себя въ Церкви. Тюрьма была по силамъ, къ ней уже привыкли, храни только терпѣніе и вѣруй въ то, что Богъ выведетъ правду твою, какъ солнце. Сдѣлай только свое дѣло. За центральное Управленіе или за Церковь, что она останется безъ

центрального Управленія, не надо было бояться, потому что Церковь уже научилась бороться и разбираться во всемъ и успѣхи расколовъ были не велики. ГПУ уже дѣйствовало по трафарету, выдумки его уже стали всѣмъ понятны и неоригинальны. Въ борьбѣ съ Церковью ГПУ уже было въ тупикѣ. Въ моментъ сдачи М. Сергія, какъ полагали нѣкоторые виднѣйшіе архіереи, ГПУ уже не знало, что дальше съ упорствомъ православнаго епископата дѣлать. Въ случаѣ неудачи плана ГПУ относительно М. Сергія, у ГПУ оставалось одно только голое, ничѣмъ не смягченное и не прикрытое насиліе, которое было голой же пропагандой противъ себя самихъ. А этого ГПУ не хотѣло въ отношеніи къ Церкви. И вотъ, у вождя Церкви ни вѣры, ни терпѣнія не хватило. Почему бы не повести ему своихъ людей вѣрнымъ путемъ? Пусть бы многіе отреклись отъ его страданій, но не для того-ли, чтобы увидѣть потомъ, что онъ былъ правъ?!

Идя путемъ правды, вождь многихъ бы воодушевилъ и подкрѣпилъ, и дальнѣйшія скорби далъ бы возможность принять не въ разслабленіи, какъ сейчасъ, а въ силѣ духа.

На вопросъ М. Сергія: «скажите, что дѣлать?» — былъ ему опредѣленный отвѣтъ: сидѣть въ тюрьмѣ. Вотъ гдѣ практической расчетъ. Но у тѣхъ, у кого спрашивалъ М. Сергій, какъ и у него самого, это совершенно не считалось выходомъ изъ положенія, а казалось тупикомъ, безконечно долгимъ и безпросвѣтнымъ. А это былъ единственный естественный выходъ изъ положенія, который навязывала сама жизнь. Объ этомъ говорилъ и Патріархъ, принужденный въ началѣ же своей свободы разсматривать выходъ свой изъ тюрьмы, какъ ошибку. Свободой не нужно было соблазняться. Свобода, конечно, была тяжелѣе тюрьмы. Какая можетъ быть свобода для вѣрующихъ людей въ богоборномъ государствѣ? Потому въ тюрьмѣ легче, чѣмъ на свободѣ, что тюрьма (или подполье, катакомбы, нелегальное положеніе — все равно) есть, вообще, нормальная форма существованія Церкви въ безбожномъ государствѣ. Напрасно было думать иначе.

Настали, теперь, такія времена въ Россіи, что священникъ, пробывшій всего недѣлю въ тюрьмѣ и вдругъ освобожденный, вызываетъ большое смущеніе въ народѣ. Почему онъ такъ быстро освободился? Какою цѣною? Неприятно всѣмъ за него. А онъ не меныне прихожанъ смущень и путается въ своихъ объясненіяхъ, потому что далъ подписку «честнаго» гражданина и въ этомъ не смѣетъ никому признаться. Вотъ какою цѣною, цѣною предательства ближнихъ покупается церковнымъ чловѣковъ личная свобода въ совѣтскихъ условіяхъ [25].

Для сергіевскаго Синода смѣшонъ одинъ изъ петроградскихъ епископовъ, смѣло отдѣлившійся въ свое время отъ М. Сергія и не только не арестованный за это, но и до нынѣ пользующійся, не въ примѣръ другимъ, полною свободою. Онъ смѣшонъ сергіевцамъ, потому что существуетъ на тѣхъ же условіяхъ договора съ ГПУ, на какихъ и ихъ Синодъ и обновленческой. «Стоило-ли огородъ городить», — по русской пословицѣ. А ГПУ на этомъ епископѣ дѣлаетъ демонстрацію свободы Церкви: и не признающіе, моль, М. Сергія имѣютъ свободу; въ Россіи такъ: вѣруй какъ хочешь.

Вотъ что такое свобода и легализація церковниковъ въ большевистскомъ государствѣ. Да можетъ-ли быть иначе? Ради какихъ это пользы Церкви и добродѣтелей духовенства будетъ дана имъ легализація? Всякая свобода или легализація Церкви въ такомъ государствѣ есть и обманъ власти и измѣна церковниковъ своей Церкви, своему назначенію. Потому-то легализація Православной Церкви такъ долго и не давалась (а мы утверждаемъ, что то, что можетъ быть названо Православной Церковью въ Россіи, что осталось вѣрнымъ своей сущности, живетъ и по сейчасъ на нелегальномъ положеніи), что она противоестественна для нея. Ее могъ получить только тотъ кто измѣнилъ Церкви и предалъ ее въ руки врага ея. Если партійная власть въ Россіи преслѣдуетъ цѣль (о которой она говоритъ официально въ своей программѣ) — уничтоженіе религіи и Церкви, то никакихъ другихъ условій, кромѣ тюрьмы или нелегальнаго положенія для жизни религіи и Церкви въ Россіи нѣтъ. Если церковь и вврующіе существуютъ въ Россіи до сего дня, то такъ, какъ существуетъ въ тюрьмѣ приговоренный къ смертной казни. Безъ преувеличенія можно сказать, что уже рѣдкій день въ Россіи для каждаго оставшихся и приходовъ и отдѣльныхъ вѣрующихъ приходитъ не въ тревогѣ, не въ ожиданіи своей духовной смерти: отнятія храма, священника, праздника, домашнихъ святынь, даже домашней молитвы. Надѣяться же на улучшеніе, на переломъ отношеній власти къ Церкви въ обратную, лучшую сторону, значить — надѣяться, что большевики отрекутся отъ себя самихъ, измѣнятъ своей собственной сущности, перестанутъ быть большевиками. Надѣяться на улучшеніе положенія Церкви, значить надѣяться на паденіе власти большевиковъ.

Легализація Церкви въ безбожномъ, богоборномъ государствѣ — несбыточная мечта. Хорошо бы было получить эту легализацію въ результатѣ обращенія безбожной власти въ христіанство, въ результатѣ нашей побѣды, какъ это было при святомъ царѣ Константинѣ въ четвертомъ вѣкѣ. А теперь въ результатѣ чего? Не нашего ли пораженія и нашего обращенія?.. Въ самомъ дѣлѣ, изъ какого источника вытекъ этотъ практицизмъ обновленцевъ, григорьевцевъ, М. Серафима, М. Сергія? Это — люди здраваго разума, практической сметки, полагающіе, что Церкви надо не

умирать, а жить здѣсь, на землѣ въ этихъ [совѣтскихъ] условіяхъ, и къ нимъ примѣняться [26]; они — враги «кабинетныхъ мечтаній». А не отреченіемъ-ли отъ жизни здѣсь на землѣ приобрѣтена именно эта жизнь Церковью въ первые вѣка?! Для современныхъ вождей церкви христіанская правда, прямота и честность — не жизненны, не разумны, не удобны. Но что же показала жизнь? Уже не говоря о томъ, что иного выхода изъ положенія, какъ христіанскаго, для Церкви Христовой быть не можетъ, христіанство, конечно, оказалось и жизненнымъ, и практичнымъ, и разумнымъ. Самымъ этимъ отступленіемъ отъ христіанства не доказана-ли его правда и необходимость? Вѣдь всякій другой выходъ — нелѣпость. Что же, если въ древности жили вѣрою и побѣждали, то теперь въ сердца христіанъ закралось невѣріе въ христіанство, и вотъ оно обнаружилось. Не страшно ли сознаться въ этомъ практическомъ атеизмѣ?! [27] Легализація пришла въ результатѣ не обращенія невѣрующихъ въ вѣру, а вѣрующихъ — въ невѣріе. Они — политики, мудрецы. Для нихъ тюрьма беспросвѣтна, они хотятъ свободы религіозной въ богоборномъ государствѣ! И какъ они осмѣяны, эти практики, дальновидные, разумные люди! Поистинѣ, они то и есть бѣдные мечтатели! И кто же они? Все люди прославленнаго ума. Въ сознаніи этого епископъ Антонинъ и прочіе вожди обновленческаго раскола, не стѣснялись открыто, въ своихъ посланіяхъ, въ самыхъ грубыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, позорить Патріарха, какъ человѣка крайне недалекаго. Епископы Григорій и Борисъ — вожди другого раскола, люди признанныхъ способностей, презирали М. Петра, какъ совершенное ничтожество предъ ними. Эти люди, въ сознаніи своихъ достоинствъ, не имѣли силъ подчиниться своимъ первоіерархамъ и прямо сгорали отъ досады — какъ это не имъ принадлежитъ власть въ Церкви? — и потому поочередно потянулись къ власти и поспѣшили получить ее изъ рукъ ГПУ, которое льстило имъ, какъ умѣло, чтобы только устроить расколы. Наконецъ, за кѣмъ же слава первыхъ мудрецовъ въ современномъ составѣ епископата въ Россіи, какъ не за Митрополитами Серафимомъ и Сергіемъ?! Появленіе у власти такихъ людей въ наши времена, съ одной стороны, — явленіе и психологически понятное, а съ другой — и объяснимое только Промысломъ Божиимъ. Изъ всей этой компаніи церковныхъ дѣятелей только М. Сергій не домогался власти и не укралъ ея, но она ему вручена законно, и, видимо, для того, чтобы и законности этой дать истинныя оцѣнку и понятіе, и еще разъ православіе народа провѣрить и возвысить, и добыть Богу чистый остатокъ и всѣмъ показать, наконецъ, что не мудрость чисто человѣческая, а нравственные характеры христіанскіе и Богу были угодны и нужны были Церкви. Умственныхъ и теорическихъ упражненій у дѣятелей церкви было достаточно, жизнь теперь экзаменовала сердце, нравственные устои, и оказалось, что многіе люди имѣли, дѣйствительно, золотыя головы, но глиняныя ноги: ходитъ путемъ правды имъ не подъ силу.

Народъ и понялъ, что сущность беззаконія обновленческаго, которая и сдѣлала ихъ неправославными и въ которой М. Сергій съ ними сравнился, въ нарушеніи закона нравственнаго, а не догматовъ и каноновъ.

Послѣ соглашенія М. Сергія съ ГПУ и всѣхъ его распоряженій по Церкви, часто и всюду слышался въ средѣ православныхъ вопросъ:

— Въ чемъ же теперь наше различіе съ обновленцами?

Странный вопросъ. Не ясно ли, что мы хранимъ церковные законы, а обновленцы ихъ нарушили — захватомъ церковной власти, брачностью своего епископата, второбрачіемъ вдовыхъ клириковъ?! Но напрасно пытаемся отвести мысль отъ главнаго. Народъ не знаетъ каноновъ, хотя, какъ хранитель преданія и противникъ нововведеній, онъ — хранитель и каноновъ, но не только изъ-за реформъ обновленческихъ, а, главнымъ образомъ, по чувству нравственнаго отвращенія онъ съ негодованіемъ отвергъ союзниковъ безбожной власти, обновленцевъ. Въ тяжкое время борьбы Церкви съ безбожіемъ, когда безбожники преслѣдовали ее, глумились надъ вѣрою народа, обновленчество явилось какъ предательство и по существу — тѣмъ, что заключило союзъ съ ними, перешло на сторону враговъ Церкви, и по формѣ дѣятельности, когда, взявшись очищаться отъ политики, занялось политическимъ обвиненіемъ, оклеветаніемъ и доносами на своихъ собратьевъ. Они предали Церковь въ руки безбожниковъ, стали въ число гонителей ея, и въ то же время сохраняли званіе церковныхъ людей. Все это есть, конечно, нравственное безобразіе, естественно вызвавшее возмущеніе людей. Но что же вызвало и возмущеніе противъ М. Сергія? Его союзъ съ властью безбожниковъ, противъ котораго Церковь боролась, отвергая обновленчество. Самые тяжкіе удары наносятся изнутри, предательствомъ. Тогда совершили его свои же священники, но самочинники, захватчики власти, теперь произошло худшее и тягчайшее: свой законный іерархъ предалъ Церковь въ руки этой власти, каковыхъ рукъ она такъ избѣгала. Черезъ законнаго архіерея ГПУ овладѣло Церковью. Предательство полное и совершенное, отъ котораго некуда больше скрыться, уйти.

М. Сергій и его епископы отличаются отъ обновленцевъ въ томъ смыслѣ, что они стали во что-бы то ни стало за каноны, ихъ сохраняютъ прежде всего. Они — не нарушители каноновъ, какъ обновленцы. Но получается грубая несообразность. Когда обновленцы лгали, клеветали, обманывали, — это было плохо, потому что они неканоничны, а когда клевететь и лжетъ М. Сергій, то это хорошо, потому что онъ канониченъ. Оказывается, каноническому все можно. Это — насмѣшка и надъ

канонами и надъ нравственностью и искаженіе ихъ смысла. Наши законники разорвали съ нравственностью, разорвали законъ и правду, разорвали и душу человѣка на двое. Въ этомъ и сущность послѣдней трагедіи православнаго народа и церковнаго клира въ совѣтской Россіи. Законъ повелѣваетъ одно — слѣдовать за законнымъ архіереемъ Церкви, а совѣсть обратное. Или съ закономъ противъ правды, или съ правдою противъ закона. Но что это за Православіе у тѣхъ, кто разорвалъ законъ и правду? Тѣмъ, что Первоіерархъ по праву законнаго понуждаетъ себѣ подчиняться, хотя и поступаетъ безнравственно и преступно въ отношеніи къ Церкви, не утверждаетъ ли онъ этотъ разрывъ, не ставитъ ли право выше нравственности и ради какихъ то высшихъ цѣлей, какъ легализація его церковнаго Управленія, не возводитъ-ли уступки въ нравственности въ принципъ? Что это за православіе? Православіе ли это? Пусть въ прошломъ не разъ поступались нравственностью ради какихъ то, по нашему расчету, пользы Церкви и несмотря на это не теряли православія. Но не докатились-ли мы теперь этимъ путемъ до предательства Церкви, до полной измѣны ей? Не пора ли остановиться и сказать, что дальше будетъ не только не православное христіанство, но и не вѣра въ Бога, не религія. Обновленцы посчитали каноны за ничто предъ расчетомъ настоящей пользы Церкви; они, также, полагали, что-если прежде нарушенія канонѡвъ сходились съ рукъ безнаказанно, то теперь можно смѣло совершать ихъ и сознательно, и такъ попытались беззаконія возвести зъ законъ и дѣйствовали безнравственно [28]. М. Сергій и сергіевцы, посчитавъ каноны за самое существенное въ жизни Церкви, ради пользы Церкви, также поступились нравственностью. Но нравственность и каноны связаны неразрывно и въ гармоніи того и другого — православіе. Крайности одинаково погрѣшаютъ противъ истины, противъ Православія. Обновленцы до безнравственности попрали каноны, сергіевцы держатся ихъ такъ, что закрѣпляютъ за собою право на безнравственносгы для нихъ безнравственность нипочемъ, лишь бы канонѡвъ держатся. Тѣ и другіе въ одинаковой мѣрѣ попрали нравственность и нравственное чувство въ себѣ и въ церковномъ народѣ. Вотъ почему и подчинившіеся М. Сергію не безъ борьбы и нравственнаго страданія подчинились, и сказать что подвластные ему довольны и сознають, что идутъ вѣрнымъ и добрымъ путемъ, значить оклеветать народъ нашъ. Тяжкая нужда, тѣснота отовсюду, предательство изнутри сломили и поработили людей.

М. Сергій чувствуетъ суть дѣла и самъ не можетъ не подчеркнуть ея, хотя и пытаюсь извратить православное чувство народа. Онъ писалъ въ своемъ посланіи: «лѡйяльными къ совѣтской власти могутъ быть не только равнодушные къ Православію люди, не только измѣнники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которыхъ оно дорого, какъ истина и жизнь, со всѣми его догматами и преданіями, со всѣмъ его каноническимъ и богослужебнымъ укладомъ. Мы хотимъ

быть православными и в то же время сознавать советский союз нашей гражданской родиной... Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами союза... изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются неизменными» [29]. Так, объявляя, что теперь «наша патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и безповоротно становится на путь лояльности», М. Сергий спешит уверить свою паству, что заключение союза Церкви с безбожной властью не есть безнравственный поступок, не грех против Православия. Он отрицает словами то, что на самом деле чувствует.

Патриарх отрекся от политики, но не стал служить другой. На этом остановился. Обновленцы пошли ей на службу. За ними М. Сергий. Последние очутились в лагере врага своего, в числе его защитников, сторонников. Очищаясь от политики против большевиков, попали в политику за них; спасаясь от обвинений в контр-революции, стали за нее, за революцию. Враг не позволил остаться посредине, быть аполитичными. Старый союз Церкви с властью, вместе с падением этой власти, отпал. Но и новый союз с новой властью заключен, с вмешательством в новую политику, с обязательством служить ей. Ужасная логика, и только логика, без всякой правды.

Мы уже видели, что отказ от политики и всякая лояльность практически бесполезны. Сколько ни очищайся от политики и как ни будь безупречен в этом смысле, обвинений в контр-революции не избежишь. Большевистская ложь, в которой запутались прежде всего обновленцы и которой много послужили, заключалась в том, что будто церковники преследуются не за веру, а за контр-революцию. Но так как большевики самой программой своей заявляют, что никакой религии не признают и с нею борются, то попробуйте доказать, что идейной борьбой с религией не содействует физическое насилие над нею и обвинение в контр-революции не есть просто способ борьбы с религией! [30] Когда и как здесь очистишься от политики? Если ты хочешь остаться религиозным человеком, то никогда и никак. Единственное условие очищения от контр-революции (как и спасения от тюрьмы и всякого гонения) — отказ от религии, от веры в Бога.

Но, все же, будем политически безупречны. Пусть обвинения в контр-революции остаются клеветой на нас, как слова, — «Он запрещает давать подать кесарю», были клеветой на Господа Христа, велевшего давать ее кесарю. Только обвинением в политической неблагонадежности пред римлянами можно было расправиться праведным евреям со своим религиозным врагом Иисусом,

«повиннымъ смерти» за свое «богохульство», ибо «Онъ назвалъ Себя Сыномъ Божіимъ». И мы воздадимъ кесарю кесарево, и только кесарево, хотя кесари часто требовали себѣ и Божье, какъ и сейчасъ требуютъ, и неприносящихъ жертвъ богамъ кесаря объявляли противниками самого кесаря. Пусть будетъ такъ, а Божьяго власти не отдадимъ и противъ власти не возстанемъ. Религія отдѣлима отъ политики. Таковъ принципъ, таковъ законъ Божій. Противъ него не можетъ быть никакихъ возраженій, онъ остается въ силѣ, разъ условія наши нынѣ тѣ же, что и при концѣ жизни Господа Христа и въ первые вѣка христіанства.

Казалось, что это такъ. Но только время, жизнь, исторія объясняютъ намъ Евангеліе шире, полнѣе.

Оказывается, что древніе правовѣрные евреи, римскіе воины — распинатели Христа, Неронъ и Діоклетіанъ — гонители христіанъ, сравнительно съ большевиками, — святые люди. О нихъ-то можно было молиться Богу словами Распятаго: «Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ». Вѣдь эти власти были религіозны и христіанъ считали безбожной и безнравственной сектой. Если еще до Христа, Помпей, войдя въ Іерусалимскій храмъ евреевъ, и, не найдя тамъ ни одного идола, сказалъ: «это — безбожники», то что могли язычники сказать о христіанахъ?! И какъ они ревностны были въ борьбѣ за своихъ боговъ! «Сбывалось слово Христово, сказанное Имъ Своимъ послѣдователямъ: «всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу». Сколько нужно было любви, терпѣнія, снисходительности, осторожности, вниманія, прощенія со стороны христіанъ къ такимъ врагамъ?! Поистинѣ, счастливая борьба, прекрасные враги! Вѣдь не было принципиальнаго расхожденія съ врагомъ. Врагъ не отвергалъ идеи Бога, а даже, скорѣе, утверждалъ ее со всею силою, какъ умѣлъ. И какъ только свѣтъ истиннаго познанія Божества возсіявалъ въ ихъ очахъ, языческіе Савлы, не говоря о еврейскихъ, обращались въ Павловъ. Язычники только заблуждались, познаніе Бога для нихъ было возможно и всегда открыто.

Большевистское безбожіе сознательно отвергаетъ идею Бога, какъ вредную. Если прежній, еще недавній атеистъ, сознавая хотя практическую полезность идеи Бога, говорилъ: «если бы Бога не было, то Его надо бы было выдумать», то большевикъ-безбожникъ полагаетъ, что если бы Богъ и былъ, то Его надо уничтожить. Большевики рассматриваютъ религію, какъ общій единый духъ борющагося съ ними многочисленнаго тѣла (капитала). Если социалистическая идеологія большевиковъ объединяетъ и двигаетъ, то только христіанская и вообще религіозная идеологія также организовываетъ, объединяетъ, оживляетъ убѣждаетъ, по своему дисциплинируетъ и направляетъ людей. Противоположная большевикамъ духовная

сила только въ религіи. Поэтому они, ведя борьбу съ религіей, «борются за душу человѣка», чтобы отвоевать у религіи это поле [31]. И только двѣ идеологіи по настоящему борются за власть надъ душою человѣка, за обладаніе ею. Поэтому, для себя большевики не отдѣляютъ религіи отъ политики. Борьба съ религіей есть необходимая часть ихъ политики и является необходимымъ пунктомъ ихъ программы. Только духъ безбожія могъ создать эту революцію и только безбожникъ можетъ строить большевистское соціалистическое государство. Не вдаваясь въ дальнѣйшее раскрытіе этого послѣдняго положенія, мы должны принять то основное, что религія цѣликомъ противна плану жизни и желаніямъ большевиковъ. Они желаютъ, на примѣръ, быть безотвѣтственными за свои преступленія; имъ противна самая религіозная идея грѣха и преступленія, ибо духъ революціи — нѣтъ грѣха! нѣтъ преступленія! Идею Бога они понимаютъ и объясняютъ, но и отвергаютъ во что бы то ни стало. Большевики есть, прежде всего, богоотступники, люди, познавшіе Бога и противопоставшіе Ему всю силою своего сознанія, разума и воли.

Власть большевистская никакъ не отдѣляетъ себя отъ безбожія. Пусть ее. Но какъ я отдѣлю ихъ? Я, на примѣръ, хотѣлъ и бороться съ властью за Церковь, за вѣру, и не быть политическимъ врагомъ ея, какъ-то признавать ее. Это было возможно по отношенію къ языческимъ и магометанскимъ и, вообще, признающимъ Бога властямъ. У язычниковъ и магометанъ религія была связана съ политикой и съ общимъ строемъ государственной жизни, но всякая другая религія и, въ частности, христіанская, всегда находила среди нихъ условія для своего существованія, хотя и весьма трудныя, подчасъ. Власть иногда не терпѣла иновѣрныхъ и преслѣдовала ихъ, а то терпѣла и даже просила ихъ молиться за себя. И христіане терпѣли иновѣрную власть и отдѣляли политику отъ религіи. Но естественнo, что въ Государствѣ безбожномъ никакихъ условій существованія ни для какой религіи нѣтъ. Безбожіе и вѣра въ Бога взаимно исключаютъ другъ друга. Одна сторона должна вытѣснить другую; вмѣстѣ онѣ не уживутся. Въ безбожномъ и богоборномъ Государствѣ принципиально исключается бытіе религіи на землѣ. Борьба идетъ не на жизнь, а на смерть.

Какъ я, вѣрующій человѣкъ, могу признать безбожную власть? Что значить — не быть политическимъ врагомъ ея? Въ совмѣстной жизни съ язычниками я могъ кесаря признавать, а боговъ кесаря отвергать. Теперь же, будучи вѣрующимъ, я неизбежно, необходимо борюсь противъ власти, хочу ли этого или не хочу, — подтачиваю ея основы, уничтожаю духъ революціи, препятствую соціалистическому построенію Государства [32]. Если религія по существу контрреволюціонна, то я — контрреволюціонеръ. Моя контрреволюція есть моя

борьба за свою вѣру. Если я за религію, то я органически уже противъ большевистской власти. И какъ я отдѣлю безбожіе отъ большевистской власти?

Если человѣчество впервые имѣетъ въ большевикахъ совершенно безбожную власть, то не есть ли это первый и единственный случай въ исторіи когда и для вѣрующаго человѣка религія неотдѣлима отъ политики? Для себя большевистская власть ни въ какомъ случаѣ не различаетъ политики отъ безбожія (безбожіе ея есть и политика и политика ея есть и безбожіе), а отъ насъ хитро требуетъ этого различенія: мы должны очищаться отъ политики ради того, чтобы она тѣмъ легче насъ уничтожила. Вотъ каковы замыслы врага. Когда власть сочиняла статью закона — «возбужденіе массъ на религіозной почвѣ противъ совѣтской власти», то она знала, на что возставала и и спѣшила охранить себя закономъ. Она будетъ бороться съ религіей, а ты не смѣй защищаться, отдѣляй политику отъ религіи, изгоняй политику изъ своихъ убѣжденій, признавай только ея права, а отъ своихъ самыхъ священныхъ правъ отказывайся. Нѣтъ, сознательно позволять власти обманывать себя нельзя. У меня остается право — не признавать такую власть. Ибо, что значитъ — признавать эту власть и подчиняться ей? Не значитъ ли это — содѣйствовать ей въ нашемъ уничтоженіи, стать измѣнникомъ и предателемъ своей вѣры? Признаніе по существу безбожной власти не есть ли отказъ отъ исповѣданія моей вѣры? Если я вѣрую въ Бога, то я противникъ этой власти. Если же я говорю, что я не противъ нея, то я за нее; отрекаясь отъ борьбы противъ нея, я поддерживаю ее и борюсь противъ себя, противъ своей вѣры. Чѣмъ я тогда отличаюсь отъ безбожника? Развѣ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Мы пытались очиститься отъ политики, и вотъ попали въ большевистскія сѣти, дошли до измѣны Церкви, до предательства, до пособничества врагамъ въ борьбѣ съ нашею вѣрою. Отказъ отъ политики, не только практически бесполезенъ, когда мы пытались приспособиться къ совѣтскимъ условіямъ и спастись отъ обвиненій въ контръ-революціи, но и принципиально невѣренъ, невѣренъ предъ Богомъ и совѣстью, предъ моимъ народомъ и русской исторіей. Развѣ мы, христіане, не имѣемъ представленія о нормальной государственной власти, которая «не напрасно мечъ носить», и во всѣ времена была «страшна не для добрыхъ дѣлъ, а для злыхъ»? А теперь не видимъ ли предъ собою принципиальнаго беззаконника, и по происхожденію, когда власть пришла насиліемъ и обманомъ людей, и по способу управленія, когда до нынѣшняго дня каждый человѣкъ въ этомъ государствѣ, какъ лодка безъ руля и весель, въ открытомъ морѣ, на произволѣ стихій. Никто (даже часто большевикъ-партіецъ) никогда не знаетъ, въ чемъ онъ окажется виновнымъ предъ властью и за что поплатится въ концѣ-концовъ. Эта же власть и страшна не для злыхъ дѣлъ, а для добрыхъ [33]. Ни одна изъ заповѣдей Закона Божія — чти Бога, храни праздникъ, почитай отца и мать, не убивай, не прелюбодѣйствуй, не укради, не

лжесвидѣтельству, не желай ничего чужого, — не только не ограждена большевистскою властью, но ею же принципиально нарушена. Сама она выступает безбожникомъ и богохульникомъ, упразднителемъ праздниковъ, учителемъ презрѣнія къ родителямъ, незаконнымъ убійцею или преступникомъ, узаконителемъ к покровителемъ прелюбодѣянiя, воровъ и грабителемъ, лжесвидѣтелемъ-клеветникомъ, хищникомъ, вѣчно сжигаемымъ желанiемъ всего, что есть у кого-либо. Христiанство же насъ освобождаетъ отъ подчиненiя такой власти, ибо оно указываетъ, что «всякая власть отъ Бога» и достойна подчиненiя, если, разумѣется, она такова, какою христiанство ее, какъ нормальную, описываетъ. И таковыми, по существу христiанскими, даже не христiанскiя власти и бывали. Большевики же, безусловно, есть исключенiе изъ общаго правила и отношенiе къ нимъ исключительное. Въ отношенiи къ большевистской власти, всякiй, кто, въ свое время, во имя своей вѣры въ Бога не призналъ ея, пострадалъ не за политику, а за Бога, за Христа, за Церковь. Они оправданы вполнѣ всей дальнѣйшей исторiей отношенiй большевиковъ къ вѣрующимъ. Анаѳематствованiе большевиковъ и призывъ къ борьбѣ съ ними Патрiарха Тихона были правильны. Если святой Патрiархъ Гермогенъ говорилъ: «слышу въ Кремлѣ пѣнiе латинское и не могу терпѣть», то не странно ли бы было для другого Патрiарха терпѣть въ Кремлѣ богохульное пѣнiе большевиковъ?! Но если Святитель Филиппъ, Митрополитъ Московскiй, себя не пожалѣлъ и, скорбя о своемъ народѣ, поднялъ голосъ свой противъ незаконiй грознаго Царя, то новымъ Московскимъ Митрополитамъ чужды скорби и страданiя своего народа и они не хотятъ быть печальниками и заступниками его, «очищаются отъ политики» и лгутъ себѣ, своему народу и всему миру. Какое оправданiе имъ отыщемъ? Какую новую мораль придумаемъ? Какiе могутъ быть «возвышенные» мотивы для лжи этой? И могутъ ли быть у первоiерарха двѣ морали: одна для себя, а другая для народа? — какъ мы думали оправдать, такимъ образомъ, ошибку Патрiарха, когда онъ «для пользы Церкви» выходилъ изъ своего заключенiя и, принося жертвы самимъ собою, отказывался отъ «политики» своей и отъ славы мученика, какъ будто есть дѣла выше этой славы и мученичество не полезно для Церкви. Пастырь и народъ его связаны неразрывно. Кромѣ скорбей такое ложное положенiе что принесло ему? Богъ, желая имѣть такого чистаго и безупречнаго человѣка святымъ, взялъ его къ себѣ во-время, и не позволилъ ему нанести вреда Церкви. Такъ взять во время и Архiепископъ Иларiонъ. Дальнѣйшiя ошибки, и грѣхи, и преступления противъ Церкви Богъ предоставилъ дѣлать тѣмъ, кто къ этому былъ готовъ и ранѣе [34].

Только дѣятельность М. Сергiя, доведшая «очищенiе отъ политики» до своихъ результатовъ, отрезвила меня. То, что я давно, какъ будто-бы, зналъ, вернулось ко мнѣ; большевистскiй обманъ и путы ложныхъ мыслей объ отдѣленiи политики отъ

религии, в отношении к большевикам, пали. Правы были мои друзья союзники, которые когда-то искренно желали скорейшего падения этой власти. Не чудовищно ли для вѣрующаго желать укрѣпленія этой власти? Если не этого желать, то о чем же молиться относительно ея? Конечно, можно бы было молиться не о гибели и уничтоженіи этой безбожной власти, а объ обращеніи ея к вѣрѣ. Но вѣдь съ обращеніемъ к вѣрѣ она перестанетъ быть властью совсѣмъ. Потому она и большевистская и революціонная власть, что она безбожна. Безбожіемъ своимъ она возникла, безбожіемъ и держится. О чемъ же я могу молиться, какъ не объ уничтоженіи ея?! Желать скорого паденія этой власти и молиться объ этомъ — мое право законное и мой долгъ предъ Богомъ и предъ людьми. Народъ считаетъ за кощунство моленіе церковное объ этой власти. Власть тайно потребовала такую молитву, но только ради своего явнаго издѣвательства надъ этимъ: она, вѣдь, ни въ какихъ молитвахъ не нуждается. «Есть грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ (кто-либо) молился» [35]. Такой власти еще не было. Надо же предоставить ее самой себѣ, пусть останется безъ помощи Божіей, которой она и не желаетъ имѣть.

Итакъ, не желая молиться за нашихъ властей и отвергая союзъ съ безбожниками, я уже не подчинялся моему Первоіерарху, законному архіерею. Если онъ исполняетъ заданія безбожной власти, то я не хочу ихъ исполнять и участвовать въ его грѣхахъ и наносить своей Церкви и вѣрѣ удары своими руками. Говорятъ, признаніемъ этой власти вѣра моя не отнимается. Какъ не отнимается? Это — самообманъ. Я уже измѣнилъ ей, предалъ ее. Какъ легко мы смотримъ на исповѣданіе своей вѣры! Въ томъ, въ чемъ, кажется намъ, мы немножко уступили, мы уступили все и все, наконецъ, потеряемъ. М. Сергій всѣми своими посланіями и прещеніями своимъ архіереямъ твердитъ: «что бы я ни сдѣлалъ, а все таки я законный, не можете меня послушаться». Законники, которые и въ обновленчествѣ не увидѣли сути преступленія, а только нарушеніе канонівъ, поспѣшили скорѣе повиноваться законному. И остались съ ложью и обманомъ, стали работать имъ. Они боролись за каноническаго, каноническій ихъ и посрамилъ, чтобы показать имъ, что не въ томъ была сущность, въ чемъ они ее полагали. Народъ, не подчиняясь обновленцамъ, не хотѣлъ подчиняться большевикамъ-безбожникамъ. Власть понимала эту политическую сущность борьбы съ обновленчествомъ и хотѣла ее вскрыть. Мы боялись правды и прикрывались канонами. Пришла пора, съ М. Сергіемъ, когда нужно было говорить правду и мы испугались ея, не порвали съ властью, а сказали то, что говорили раньше: боремся только за каноны, очищаемся отъ политики. Ну, разъ только за каноны, то и работайте на ГПУ, на большевиковъ. Для послѣднихъ борьба съ церковниками кончилась благополучно. Церковная контръ-революція, не поднявъ головы, сдалась полностью на милость побѣдителя.

Вотъ что ясно мнѣ стало, наконецъ, и «законный», утверждающій за собою право на всякое беззаконіе, сталъ мнѣ не страшень. Каноны не для защиты лжи, обмана и предательства. «Законный» сдѣлалъ то самое церковному народу, чего народъ боялся, когда боролся съ обновленцами: онъ заключилъ союзъ между Церковью и безбожниками. Это — предательство.

Мнѣ оставался мѣсяць до освобожденія изъ ссылки въ Зырянскомъ краѣ.

Долгожданное освобожденіе приближалось и утрашало меня. Если я долженъ былъ освободиться, то только сергіевцемъ. Если я не сергіевецъ, то или очень мало прохожу на свободѣ, или совсѣмъ ее теперь не увижу, ибо имѣю данныя, что предъ самымъ освобожденіемъ меня испытаютъ и безъ гарантій не выпустятъ.

Перехвачены мои противосергіевскія письма. Нѣкоторые мои друзья, побывавшіе на свободѣ, получили вторую ссылку въ Соловки, и уже съ пятилѣтнимъ срокомъ. Но я на свободѣ сергіевцемъ быть не могу. Уже не говорю о принципахъ. При одной мысли, что моимъ бѣднымъ прихожанамъ я, появившись среди нихъ, принесу разочарованіе, что они скажутъ: «и Михаилъ нашъ послѣ шести лѣтъ заключенія сдался, не устоялъ», я приходилъ къ крайнему возбужденію моихъ силъ и упорству на своемъ пути. Настроеніе церковнаго народа, вообще, всегда поддерживало духъ, который временами и падалъ, и соблазнялся, и ослабѣвалъ. Однако, хотя тюрьма, лагерь и ссылка были слишкомъ знакомы, чтобы ихъ много бояться, но и сидѣть въ заключеніи дальше я не соглашался. Прихода своего я не увижу, доколѣ властвуютъ большевики, и я останусь тѣмъ, что я есть; приходъ мой въ рукахъ сергіевскихъ, изъ которыхъ я его безсиленъ освободить; жена и мать умерли за годы моей разлуки съ ними, унеся къ Престолу Всевышняго свою тоску по мнѣ; я имѣю силы и, кажется, кое-какіе матеріалы, которые не найдутъ себѣ никакого мѣста въ Россіи, кромѣ тюрьмы или могилы. Впрочемъ, все это были не доводы, чтобы бѣжать мнѣ за границу. Я просто спасалъ душу свою, не жизнь, а душу. Препятствій къ побѣгу изъ ссылки и переходу чрезъ границу вѣдь никакихъ не было, кромѣ риска своею жизнью. Но я рѣшилъ рискнуть и ею, ибо я человѣкъ слабый. Я боялся уступить, пасть, измѣнить истинѣ, за которую боролся. На мои письма относительно М. Сергія отъ ряда епископовъ и священниковъ я получилъ увѣщанія: меня всѣ обращали въ Православіе, ибо я отступаю отъ законнаго. Я оказывался одинокимъ. Теряю почти всѣхъ старыхъ друзей. Единомышленники есть, но гдѣ они? они, какъ и я, въ одиночествѣ, мы разбросаны. Чувство гнѣва и горькаго презрѣнія къ человѣческой безчестности охватывало мою душу, когда я читалъ оправданія лжи. Всюду проникла эта ложь, всѣхъ опутала и низложила. Но пусть утихаетъ гнѣвъ; разсуди: ихъ большинство, они съ законнымъ, ты безсиленъ, ничего впереди, кромѣ одиночества и травли отъ недавнихъ самыхъ дорогихъ друзей, нѣтъ. А какъ же

помириться съ ложью и предательствомъ?.. Въ такомъ круговоротѣ блуждала мысль и разслабляла волю.

Зачатки новыхъ нравственныхъ теорій, неслыханныхъ доселѣ въ Православіи, появились среди части епископата и духовенства Россіи, въ связи съ ихъ жестокимъ паденіемъ. Хочется какъ то оправдаться, и ложь и клевету, трусость, немощь или сознательную подлость, заблужденіе и ошибку представить въ видѣ тяжелой жертвы ради блага и пользы Церкви, а всѣ скорби и страданія (особенно отъ проявленій презрѣнія со стороны народа) за эти ложь и трусость считать крестомъ, страдальчествомъ ради Христа. Не хотятъ вспомнить слова апостольскаго: «то угодно, если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки?» [36].

Еще въ Соловкахъ, одному уніатскому священнику (они себя называютъ нынѣ католиками восточнаго обряда) я замѣтилъ, что его голодовка въ ГПУ, которую онъ объявилъ съ требованіемъ — дать ему Евангеліе, есть демонстрація, невозможная для православнаго человѣка, по его духу. Православные люди такимъ обстоятельствамъ покоряются, какъ волѣ Божіей, и навикаютъ къ внутренней молитвѣ. Надо приобрѣтать то, что не отнимается. Католикъ мнѣ отвѣтилъ:

— Это не голодовка. Я объявилъ постъ и въ награду за это получилъ отъ Бога Евангеліе.

Тошнотворная мораль. Кого же онъ обманывалъ — Бога или людей, когда объявлялъ голодовку? Намъ, православнымъ, совершенно чужды эти католическіе методы, — «подмѣны намѣреній» или «умственные оговорки». Что предъ Богомъ, то и предъ людьми. И внутри насъ и во внѣ да будетъ одно. Если М. Сергій предъ Богомъ имѣетъ добрыя намѣренія, а предъ людьми скверныя дѣла, то, во всякомъ случаѣ, онъ не православный герой, если и не католическій [37].

Но какъ бы мнѣ ни была чужда такая мораль, мнѣ отъ увѣщаній моихъ друзей, отъ моего одиночества среди нихъ было такъ тяжело, что при мысли — если пройдетъ годъ и два, а, можетъ быть, и меньше, и я не выдержу, паду, сдамся, стану на ихъ путь единенія съ безбожниками — я рѣшалъ бѣжать во что бы то ни стало изъ этого общества для спасенія своей собственной души.

Я не пророкъ, а худшій изъ православныхъ русскихъ священниковъ Божіихъ, но я понималъ въ тѣ дни и переживалъ слова пророка, говорившаго Богу: «сыны Израилевы оставили завѣтъ Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророковъ

Твоихъ убили мечемъ; остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее» [38].

Я былъ не одинъ. Я былъ одинъ только въ моей обстановкѣ, и бѣжалъ отъ нея, какъ слабѣйшій изъ моихъ единомышленниковъ, разбросанныхъ и также одинокихъ, но оставшихся въ Россіи. Поистинѣ, Господь «оставилъ между израильтянами семь тысячъ мужей; всѣхъ сихъ колѣна не преклонялись предъ Вааломъ, и всѣхъ сихъ уста не лобызали его».

Православная Церковь въ Россіи есть, осталась. Она не съ М. Сергіемъ, какъ и онъ не съ нею. Тихоновская, патриаршая Церковь въ Россіи, какъ ранѣе, до М. Сергія, существовала, такъ и нынѣ существуетъ на нелегальномъ положеніи. Она стала не велика по своему составу. Число ея членовъ и нельзя твердо установить, оно колеблется, за него нельзя ручаться ни сегодня, ни завтра, ибо одни падаютъ, отступаютъ, не могутъ устоять по множеству причинъ, другіе приходятъ, разочарованные путемъ лжи и прозрѣвшіе. Кто вожди этой Церкви Христовой? Сколько ихъ и гдѣ они? Мало. Считаютъ по пальцамъ. Они въ лагеряхъ, тюрьмахъ, ссылкахъ и неизвѣстно гдѣ. У остатка вѣрныхъ всегда тревога за нихъ: устоятъ-ли эти? не сдадутся ли? не падутъ? не посрамятся-ли надежды и на нихъ? подкрѣпи ихъ Господи! Одинъ только Богъ сохранить можетъ. У врага столько искусства въ обманѣ и лжи, что при слабости человѣческихъ силъ и пасть не трудно. Ни у кого въ себѣ увѣренности нѣтъ, какъ бы ты поступилъ въ положеніи такъ искушенныхъ. Многимъ кажется, что скоро подъ напоромъ противника всѣ сплошь падутъ, сдѣлаются безчестными людьми. Ужъ и такъ, какъ будто, нѣтъ кругомъ честныхъ и твердыхъ въ христіанствѣ людей.

Такъ власть сожгла, переплавилъ, испытала на огнѣ своей безбожной политики нашу Православную Россійскую Церковь и создала чистый остатокъ. И Церковь Православная и святая въ Россіи есть. Но она уже теперь безъ официальнаго представителя, безъ опредѣленнаго мѣста, ибо и храмовъ у нея почти нигдѣ нѣтъ, неизвѣстнаго числа членовъ. И власть уже сбросила эту Церковь со своихъ счетовъ; она опирается на бывшаго официальнаго представителя ея и снова владѣетъ церковно-административнымъ аппаратомъ, но опять не Церковью, если еще помнить, что даже весь тотъ народъ, который ходитъ въ храмы М. Сергія, ему духовно не принадлежитъ и со вздохомъ проситъ прощенія у Бога, что ходитъ, ибо некуда ему больше ходить [39].

Церковь эта своимъ бытіемъ раздражаетъ и укоряетъ М. Сергія, какъ и нѣкогда она раздражала обновленцевъ. Она — бѣльмо на глазу у сергіевцевъ, болѣзнь ихъ

совѣсти, назойливое напоминаніе о честномъ, нравственномъ христіанскомъ пути. Дѣйствительно, героическій періодъ для сергіевской церкви кончился, но для Православной Церкви онъ продолжается съ неослабѣвающимъ напряженіемъ, что и естественно вполнѣ при усиленіи борьбы съ религіей въ Россіи. Вѣрно и то, что Церковь можетъ жить во всякихъ условіяхъ, при всякой власти, но не путемъ соглашенія, каждый разъ, съ властью, и сдачи ей своихъ позицій, чтобы легализація ея, напимѣръ, пришла чрезъ побѣду безбожія надъ христіанствомъ, а не чрезъ побѣду христіанства надъ безбожіемъ. Поэтому Церковь можетъ жить и въ тюрьмахъ, ссылкахъ и катакомбахъ. Православные священники тайно теперь посѣщаютъ пасомыхъ и исполняютъ для нихъ церковныя требы. И къ нимъ ѣздятъ за сотни верстъ, когда прослышатъ о нихъ.

Какъ прежде, когда былъ Патріархъ, такъ, тѣмъ болѣе, теперь, съ Православною Церковью въ Россіи не состоятъ въ общеніи восточные Патріархи.

Прежде они подали руку общенія обновленцамъ [40], теперь — и обновленцамъ и М. Сергію. Для нихъ самое важное, — кого признаетъ и съ кѣмъ въ общеніи гражданская власть.

Принужденъ, кстати, сказать и о томъ, какой тяжкій ударъ нанесенъ былъ Православной Церкви въ Россіи восточными Патріархами, ихъ общеніемъ съ обновленцами. Даже до нынѣшняго дня обновленцы спекулируютъ ихъ именемъ, афишируютъ свое общеніе съ Патріархами и этимъ единственно сильно поддерживаютъ свой расколъ и свои незаконныя реформы. Лишись они этой поддержки, ихъ положеніе было бы смертельнымъ. Поэтому, предложеніе Патріарховъ — самимъ обновленцамъ и православнымъ въ Россіи «примириться», когда Патріархи поддержали и продолжаютъ поддерживать обновленцевъ, явныхъ незаконниковъ, не только практически несбыточно, но и просто странно. Какой же возможенъ миръ между закономъ и беззаконіемъ?! Если для кого здѣсь разница не велика, то для Православной Россіи миръ такой невыносимъ. Даже М. Сергію, бывшій обновленецъ, зная свой народъ, это понимаетъ. Обновленцы подлежатъ осужденію и должны покаяться. И какъ горько и больно было, среди издѣвательствъ и глумленій обновленцевъ, этихъ палачей Церкви и мошенниковъ, лишиться нравственной поддержки восточныхъ Патріарховъ, пережить и ихъ измѣну! Богъ свидѣтель этой русской православной скорби, доселѣ ничѣмъ не смягченной. Ему одному приносимъ ее. Онъ да зачтетъ ее для милостей Своихъ намъ!

Если входитъ въ общеніе съ нелегальными религіозными обществами въ Россіи невозможно, то входитъ въ общеніе съ легализированными совершенно

безсмысленно, какъ прежде, такъ и теперь, и именно потому, что они легализированы, что ихъ признаетъ гражданская власть. Придавать какое-бы то ни было значеніе голосу М. Сергія (какъ и обновленцевъ), съ нимъ сколько-нибудь считаться, даже вообще входить съ нимъ въ бесѣду, отсюда, просто нелѣпо. Это — голосъ изъ ГПУ. Никакое слово изъ устъ М. Сергія безъ инициативы даже, а не только безъ цензуры и редакціи ГПУ, за границу выйти не можетъ. Нельзя дѣлаться орудіемъ политики ГПУ, Государственнаго Политическаго Управленія большевиковъ. Я самъ себѣ сейчасъ удивляюсь: неужели мнѣ надо это кому-то доказывать? Если Патріархъ былъ связанъ, то что же съ тѣми, кто сдали всѣ свои позиціи большевикамъ? Неужели не понятно? Не знаю, чѣмъ объяснить общеніе заграничныхъ церковныхъ объединеній съ русскими обновленцами и сергіевцами. Будемъ пока думать, что всему вина — невѣдѣніе, безъ недочетовъ въ разумѣ и совѣсти.

Когда М. Сергій посылалъ свое обращеніе къ заграничнымъ русскимъ церквамъ съ предложеніемъ — дать подписку о лояльности въ отношеніи къ большевистской власти, наши заключенные и ссыльные епископы и священники задавали вопросъ:

— Неужели кто-нибудь клюнетъ на эту удочку?

И вотъ одинъ архіерей отозвался, «клюнулъ», другой даже пріѣхалъ и вель, какъ пблагается, и о чемъ намъ тотчасъ сообщили, длинную бесѣду съ агентомъ ГПУ.

— Боже мой! — говорили мы, — имъ-то что надо? Куда они лѣзутъ? Какая нужда? Намъ не подъ силу. Неужели они не понимаютъ, что М. Сергію менѣ всего нужно общеніе съ ними? Зачѣмъ затруднять человѣка, которому и такъ трудно? Своимъ отказомъ отъ него, они бы освободили его отъ непріятныхъ дальнѣйшихъ обязанностей — исполнять въ отношеніи къ нимъ распоряженія ГПУ.

Такъ разсуждали мы тогда. Особенно казалось нелѣпымъ заводить эту связь съ границей, когда столько уже усилій было сдѣлано, чтобы отдѣлаться отъ этой связи. Неужели заграничные объ этомъ не знали? А теперь подъ лозунгомъ — долой политику изъ Церкви! — будете, по подобію нашему, пособниками большевиковъ по разрушенію вашихъ собственныхъ основъ, способствуя распространенію большевистскаго вліянія. Настанетъ моментъ, когда будете поставлены предъ необходимостью протестовать противъ войны съ СССР. Да еще не разъ, въ разныхъ видахъ, ГПУ испытаетъ вашу благонадежность и потребуетъ доказательствъ вѣрности вашей «каноническому» іерарху, и вы пожнете плоды своего

законничества. Готовьтесь къ этому, бѣдные законники, фарисеи новаго завѣта, которые въ погонѣ за законностью утеряли смыслъ и духъ вашего призванія!

Уже здѣсь, за границей, я вижу «Журналъ Московской Патріархіи», только что изданный М. Сергіемъ. Знакомое названіе. Еще въ 1926 году М. Сергій подавалъ просьбу позволить ему издать журналъ съ такимъ названіемъ. И вотъ теперь только онъ изданъ.

— Наши достиженія! — говорю я по-совѣтски, глядя на этотъ журналъ.

Значить, заслуги М. Сергія предъ ГПУ велики. Черезъ него ГПУ многого добилось, сдѣлало свое дѣло. Онъ доказалъ самимъ дѣломъ свою вѣрность своему начальству и за это получилъ такую награду.

Журналъ разрѣшенъ по столько, но сколько онъ никому въ Россіи не нуженъ, и ни на кого и ни на что тамъ вліять не можетъ. Но зато онъ полезенъ для власти, какъ нѣкій видъ и знакъ религіозной свободы и независимости. Въ свое время мы говорили:

— Зачѣмъ М. Сергію журналъ? Воображаемъ, что это за журналъ будетъ при такихъ условіяхъ! Только позорить себя и обманывать людей.

И вотъ теперь здѣсь, за границей, слышу:

— Вотъ видите! можно же издавать религіозный журналъ и въ Россіи и даже говорить въ немъ о способахъ обратнаго пріема отпавшихъ въ безбожіе священниковъ! Значить и это возможно?!

— Господи, ничего не понимаютъ! — восклицаю я со скорбью сердца. Именно на васъ-то, на такихъ, журналъ и рассчитанъ.

Но не будемъ уже болѣе распространяться о томъ, какъ далеко пошелъ, кого и сколько увлекъ на свой путь обновленческой блудъ, безнравственный и пагубный для тѣла Церкви союзъ съ безбожною, богоборною властью.

Безусловно, что то, что называютъ, по официальному виду, Церковью въ Россіи, есть блудница, какъ это ни тяжело признать нашему русскому національному самолюбію.

Но мы спѣшимъ заявить, что никто изъ постороннихъ, изъ иностранцевъ, не смѣетъ свысока судить о нашей Церкви. Что съ вами бы случилось, если бы васъ искусили такимъ огнемъ, какъ искусили Русскую Церковь? И не искушенные такъ, вы сумѣли пасть, вступая по худшимъ и низшимъ побужденіямъ въ союзъ съ безбожной властью.

— Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень [41].

Вамъ остается только каяться въ своемъ блудѣ, а не то, что судить блудницу.

Никто не смѣетъ укорить даже того нашего большинства (сергіевскаго духовенства), которое шло по линіи наименьшаго сопротивленія. Исполнился законъ: «тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и не многіе находятъ ихъ» [42]. Не думаемъ, чтобы вы своимъ опытомъ сумѣли когда-нибудь опровергнуть это положеніе.

Но Богъ насъ судить и мы сами себя судимъ, прежде всего. Мы должны признать, что авторитетъ Русской Церкви низложенъ, съ оффиціальнымъ голосомъ ея изъ Россіи нельзя считаться. Это-ли долгъ Русской Церкви — поддерживать совѣтскіе ложь, обманъ, насиліе, сѣемые вездѣ? Сама, подчиненная цѣлямъ и задачамъ большевиковъ, она стремится подчинить имъ и другихъ. Несчастливая участница въ міровой лжи большевистской власти! Она потакаетъ злодѣямъ, поддерживаетъ ихъ руки, не говоритъ правды, лжетъ, путаетъ умы, и запутала ихъ не мало въ большевистскія сѣти. Ей-ли содѣйствовать большевистскому обольщенію? Наша ли Церковь должна держать у себя и за рубежомъ волю христіанъ въ разслабленіи предъ лицомъ врага — богоненавистника? Не она-ли подкашиваетъ моральныя силы у всѣхъ, и не она-ли могла бы ихъ поддержать? Намъ надо выпить до дна еще одну горькую чашу — въ сознаніи нашего пораженія и на церковномъ фронтѣ. Христово войско, всю жизнь готовившееся къ войнѣ, потерпѣло пораженіе, пало въ борьбѣ. Моральныхъ, духовныхъ силъ достаточно не оказалось, чтобы выдержать натискъ врага. Силы эти низложены, позиціи сданы, главнокомандующій съ прочимъ команднымъ составомъ сдались въ плѣнъ. И положеніе этихъ плѣнныхъ извѣстно.

Когда ближайшаго сотрудника М. Сергія мои знакомые спросили, каково ихъ положеніе вообще, онъ отвѣтилъ:

— Уперлись въ стѣнку лбомъ...

Иначе быть не можетъ. Чего ожидать впереди кромѣ уничтоженія? Какіе просвѣты, какая дѣятельность? Никакихъ.

Вотъ послѣдняя и точная характеристика положенія такъ называемаго Патріаршаго Синода, возглавляющаго будто бы Православную Церковь въ Россіи, характеристика, исходящая изъ кабинета М. Сергія. Тамъ идетъ спокойная работа. Въ послѣднее время ГПУ вмѣстѣ съ М. Сергіемъ дѣлило Россію на епархіи согласно съ новымъ административнымъ дѣленіемъ государства на округа и районы. Нельзя же окружныхъ и районныхъ чекистовъ отдѣлять отъ епархіальныхъ и викарныхъ архіереевъ.

Не знаемъ, сколько еще М. Сергіемъ продѣлано будетъ опытовъ очищенія Церкви своей и зарубежной отъ политики и сколько еще приведено будетъ имъ доказательствъ, что Церковь не противъ безбожной власти, прежде чѣмъ большевистская власть, использовавъ Церковь въ своихъ цѣляхъ, ее уничтожить [43]. «Церкви врата ада не одолѣютъ». Да, Вселенской Церкви. Правда, онѣ умирали, переживъ славные и счастливые дни своего расцвѣта, давъ для Царства Божія достаточно членовъ, оставивъ для Вселенской Церкви огромное духовное богатство. И теперь, если отношеніе всего міра къ большевикамъ останется такимъ, каково оно сейчасъ есть, и если, вообще, все будетъ въ мірѣ продолжаться въ такомъ духѣ, какъ сейчасъ, безъ измѣненія къ лучшему, и если, главное, Богъ насъ оставилъ совсѣмъ, то въ исчезновеніи цѣлой Помѣстной Церкви, составляющей девяносто процентовъ всего православнаго міра, сомнѣваться нельзя. Самый широкій и возможно полный и безпристрастный анализъ современнаго религіозно-нравственнаго состоянія нашей страны и методовъ антирелигіозной работы большевиковъ подтвердилъ бы этотъ выводъ. Признаться, не говорить то, что здѣсь, за границей, такъ любятъ слушать (о завтрашнемъ паденіи большевиковъ, о религіозно-нравственномъ подъемѣ въ Россіи), а говорить то, что есть горькая правда, видитъ Богъ, какъ трудно. — Еле-еле хранишь независимость своихъ взглядовъ отъ новыхъ вліяній. — Надо же помнить, что вѣрующіе и, вообще, старой закваски люди, просто вымираютъ, а средній возрастъ сильно ассимилировался, и потому, менѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ, Россія по своему людскому составу будетъ совсѣмъ «новая». Я хочу сказать, что положеніе Русской Церкви катастрофическое. Оно гораздо печальнѣе, чѣмъ здѣсь думаютъ. Писать о пыткахъ и мукахъ тамошнихъ умирающихъ вѣрующихъ — отдѣльная задача.

Но говорю это не для того, чтобы отнять всякую надежду. Напротивъ. Всѣ обстоятельства складываются такъ, что опорой нашею не остается ничего на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного Бога. Это-то знаменуетъ наступленіе благопріятнаго кризиса. Только такая глубокая, бездонная пучина нищеты нашей будетъ началомъ нашего возстанія. Блаженъ, кто не потеряетъ вѣры до конца въ безысходныхъ

обстоятельствахъ, — онъ получить выходъ изъ нихъ. Пусть враги вѣры нашей, глядя на насъ, покиваютъ головами своими, полагая, лишній разъ, что они правы и что не сегодня — завтра, мы сдѣлаемся ихъ пищею и они проглотятъ насъ. Пусть слабые отрекаются отъ своей вѣры Православной и даже національности. Пусть даже Вселенское Православіе заколебалось. Мы не боимся за истину. Богъ не оставилъ насъ.

Не для утѣшенія своихъ это говоримъ, а ради истины. Въ самомъ дѣлѣ, для кого же сейчасъ не очевидно, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни происходитъ и произойдетъ въ Россіи. Тамъ произошла переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. И тамъ, на почвѣ святого апостольскаго Православія, просмотрѣны и пережиты проблемы огромной важности. И вопросы политическіе, экономическіе, бытовые, нравственные, каноническіе, даже догматическіе (прошедшіе черезъ огонь полемики съ безбожіемъ и получившіе, часто, новое разумное обоснованіе и раскрытіе), находятъ уже свое гармоническое сочетаніе въ христіанствѣ православномъ. Я утверждаю это, ибо я былъ въ этой лабораторіи, гдѣ происходитъ такая работа. Вѣдь Православіе въ своей исторіи никогда не рѣшало вопросы однимъ умомъ, и не сочиняло теорій, оно жило вмѣстѣ съ жизнью, и только борьбою и страданіемъ рѣшало вопросы жизни.

Россія оплотомъ Вселенскаго Православія была и останется. Пусть на лицо — паденіе. Богъ отдалъ Церковь Свою въ руки Своего же врага. Значитъ, паденіе нужно. Пусть раскроются недостатки, чтобы утвердился, уяснился, оправдался путь истины. Какимъ бы путемъ мы не пошли, мы докажемъ и раскроемъ только истину. Это мы знаемъ твердо. Конечно, оправдать путь лжи этимъ конечнымъ торжествомъ истины мы не можемъ. Такъ и Іуда скажетъ, что онъ предательствомъ содѣйствовалъ искупленію. Нѣтъ, «кто разумѣлъ дѣлать добро и не дѣлалъ, тому грѣхъ» [44]. «Богъ же Свое строить», — по русской пословицѣ, и, чтобы ни дѣлали люди, Онъ строить добро всегда. Поколебалось Православіе, чтобы утвердиться. Послѣ пораженія готовится побѣда. Вскрылись всѣ недостатки и пороки. Выболѣли всѣми болѣзнями. Имѣю основаніе сказать, — что бы ни было далѣе съ нашимъ народомъ, истина Православія уже утверждена имъ, все, что сдѣлано уже имъ, не останется безслѣднымъ, бесполезнымъ или невыясненнымъ. Православіе и сохранилось, и созрѣетъ, и достигнетъ своихъ вершинъ.

Если чаша русской церковной скорби и здѣсь, за границей, еще не допита до дна, какъ пьютъ ее въ Россіи, гдѣ каждый, почти, часто думаетъ объ окончательной своей духовной гибели, то, все же, не будемъ страшиться ея и унывать. Господь помилуетъ насъ, поддержитъ, подкрѣпитъ.

Богу угодно одно только, чтобы мы поняли волю Его, чего Онъ хочетъ отъ насъ во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Какъ только это пониманіе придетъ, придетъ и побѣда и избавленіе. Это такъ хорошо извѣстно личному опыту cadaго вѣрующаго!

Что нужно здѣсь, прежде всего, предъ лицомъ такого врага, и что нужно тамъ, какими миссіонерами и святыми людьми мы должны явиться туда, — когда поймемъ это и сдѣлаемъ, что нужно, то и будемъ готовы, чтобы принять новый великій даръ Божіей любви къ намъ.

Михаилъ Священникъ.

6 Августа ст. ст. 1931 г.

Святой Градъ Іерусалимъ.

Примѣчанія:

[1] Святой Патріархъ Гермогенъ заморенъ былъ въ тюрьмѣ голодною смертію поляками въ 1612 году за то, что противился власти католиковъ надъ Россіею и возбуждалъ къ тому же народъ.

[2] Потомъ Чека (Чрезвычайная комиссія) была переименована въ ГПУ (Госуд. Политическое Управленіе).

[3] Журналь «Молодая Гвардія» № 7-8, 1923 г., статья Бончъ-Бруевича. Цитирую по памяти.

[4] 24 Апр. ст. ст. 1922 г. Еще разъ онъ потомъ служилъ у себя на Троицкомъ подворьѣ.

[5] Имя Е. А. Тучкова мнѣ противно часто упоминать на этихъ страницахъ.

[6] А. Иларіонъ — викарій Московскій, временно управлявшій Московской епархіей, магистръ богословія, авторъ нѣсколькихъ ученыхъ богословскихъ работъ, профессоръ Московской духовной Академіи до дня ея закрытія большевиками и бывшій ея инспекторъ и временный ректоръ. Молодой жизнерадостный, всесторонне образованный человекъ, прекрасный церковный проповѣдникъ-ораторъ и пѣвецъ, блестящій полемистъ съ безбожниками, всегда естественный, искренній, открытый человекъ; вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, всѣхъ привлекалъ къ себѣ и

пользовался всеобщей любовью. Большой рост, широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Онъ остается въ памяти у всѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ. За годы совместнаго заключенія являемся свидѣтелями его полного монашескаго нестяжанія, глубокой простоты, подлиннаго смиренія, дѣтской кротости. Умеръ 15/28 Декабря 1929 г. въ Петроградской тюрьмѣ на пути изъ Соловецкаго лагеря въ Туркестанскую ссылку.

[7] Въ это время Чека уже переименовалась въ ГПУ.

[8] Я и это предлагалъ, и записка объ этомъ осталась у одного изъ епископовъ. Если бы такіе взгляды раздѣлялись, то о нихъ, по крайней мѣрѣ хотя бы освѣдомляли первоіерарха. Но этого не было.

[9] Къ примѣру сказать, я долженъ былъ крѣпко помнить, что хотя за побѣгъ изъ-подъ стражи полагается по закону 2 года заключенія, но практикуется постоянно разстрѣль, и меня за побѣгъ съ мѣста ссылки, въ случаѣ поимки, онъ и ожидалъ. Впрочемъ, бывають случаи, что власть во что бы то ни стало «исполняетъ» свой законъ. Одинъ батюшка имѣлъ 69 лѣтъ отъ роду, но такъ какъ по совѣтскому закону на лицъ, достигшихъ 60 лѣтъ никакія наказанія не налагаются, то ГПУ поставило батюшкѣ въ его «дѣлѣ» 59 лѣтъ и отправило его на Соловки. На 71-мъ году жизни батюшка оттуда и освободился благополучно.

[10] Самихъ не арестовывали, позволяли немного кое-что печатать, имѣть кое-какія учебныя заведенія. Правда, ненависть большинства населенія къ обновленцамъ обезпечивала отъ усиленія религіознаго ихъ вліянія, и свободы имъ можно было давать безъ особаго риска. Имъ дозволена была и такая роскошь, какъ разъѣздные миссіонеры, и то на время, нѣкоторымъ, причемъ и имъ быстро урѣзывали крылья, какъ только замѣчали ихъ вліяніе на массы.

[11] См. И. Степановъ. «О Живой Церкви» и «Методы антирелигіозной пропаганды». Цитирую по памяти.

[12] Что касается новаго стиля, то онъ и самъ полагалъ, что введеніе его есть такое же простое дѣло, какъ и переводъ часовой стрѣлки. Не знаю, чтобы кто-либо изъ епископовъ былъ сторонникомъ его взгляда.

[13] Вотъ, поистинѣ, не пришлось мнѣ пожалѣть, что мой проектъ не былъ принятъ и не пошелъ изъ рукъ моихъ къ нашему первоіерарху. А когда я увидѣлъ послѣ, что изъ сторонниковъ «соловецкаго посланія» ни одинъ не остался ему вѣренъ, но всѣ, начиная съ автора его, подчинились М. Сергію, то получилъ, грѣшный, и полное удовлетвореніе своему попоранному самолюбію.

[14] См. «Посланіе временнаго Патріаршаго Синода» отъ 16/29 Іюля 1927 г.

[15] Хотя мнѣ очень бы хотѣлось обо всемъ, что касается заграницы, рассказать въ отдѣльномъ очеркѣ, но и сейчасъ не смѣю скрыть факта (о которомъ упомянуто мною и въ 1-й части этого очерка), что дѣло касалось возстановленія на каѳедрѣ Сѣверо-Американской М. Платона, который былъ лишенъ ея по настоянію ГПУ, и — при скандальныхъ обстоятельствахъ обнаруженія безстыдной чекистской дѣятельности М. Серафима, — былъ возстановленъ на этой каѳедрѣ. Въ этомъ — яркій примѣръ, какъ Патріархъ на дѣлѣ (хотя на словахъ было у него иначе) боролся за независимость Церкви отъ ГПУ и не желалъ даже заграницу въ чемъ-либо стѣснять. Стоитъ-ли это, послѣднее, доказывать? Но отсюда и вообще выводъ: стоитъ-ли здѣсь, заграницей, останавливаться только на однихъ формальныхъ основаніяхъ, бумажкахъ и приказахъ изъ Россіи, и стараться не понимать правды, сути дѣла? Но если Патріархъ не безъ борьбы съ ГПУ оставилъ въ силѣ свое постановленіе о возстановленіи М. Платона на его каѳедрѣ, то, конечно, не для того, чтобы послѣдній, въ концѣ-концовъ, объявилъ автокефалію. Бѣлорусская автокефалія, провозглашенная въ самой Россіи и поддержанная ГПУ такъ и не нашла признанія Патріарха и ея «митрополитъ» принужденъ былъ во имя церковной дисциплины снять съ себя свои незаконные доспѣхи. Любовь къ почившему Патріарху, любовь къ истинѣ и мужество, которое сопровождаетъ любовь, надѣмся, приведутъ М. Платона на дѣло исправленія своей ошибки.

[16] Центральное ГПУ находится въ Москвѣ на Лубянской площади.

[17] Приходъ мой (церковь св. ап. Петра и Павла, что у Преображенской заставы гор. Москвы) ропталъ, не давалъ покоя моимъ сослуживцамъ и забросалъ меня письмами въ Зырянскій край, желая знать мое отношеніе къ М. Сергію. Мое положеніе было до крайности грустное. Если бы я былъ дома, то противопоставляя приходъ М. Сергію, пострадалъ бы за это самъ: мои сослуживцы опять бы остались въ покоѣ. А теперь, что другое я могъ посовѣтывать, какъ только каждому въ отдѣльности прихожанину отойти отъ общенія съ М. Сергіемъ. Но зная, что это будетъ многимъ не по силамъ ввиду оставленія своего храма, порекомендовалъ это нѣкоторымъ, сильнѣйшимъ, да и то не сразу, а убѣдившись въ твердости ихъ духа.

[18] Въ Тверской губ., при закрытіи одного храма, народъ собрался и зашумѣлъ. Священникъ взялся успокаивать. Ему кричали, что и онъ пособникъ власти. На процессѣ священника обвинили въ возбужденіи массъ противъ власти и разстрѣляли, а прочихъ помиловали. Въ Воронежской губ. священника арестовали за неуплату непосильнаго налога. Къ зданію сельскаго управленія собралась толпа крестьянъ съ протестомъ противъ его ареста. Одна женщина бросила камень въ окно

управленія. На судѣ женщину и прочихъ обвиняемыхъ оправдали, а священника за возбужденіе массъ противъ власти приговорили къ смерти и разстрѣляли. Власть безъ конца льститъ народу и всякую его вину противъ себя сваливаетъ на головы тѣхъ, кого боится и ненавидитъ.

[19] Однажды, въ журналѣ «Красный огонекъ» появилась фотографія съ объявленія, вывѣшеннаго будто бы на дверяхъ канцеляріи Патріарха, въ которомъ посѣтителемъ предлагается не вести въ пріемной контръ-революціонныхъ разговоровъ. Подпись — Архіепископа Иларіона. Ужъ не говоря о томъ, что такого объявленія совсѣмъ не было, но даже подпись А. Иларіона, къ его удивленію, была сдѣлана безъ всякаго сходства съ его почеркомъ. Но послѣднее для ГПУ не важно. Кто тамъ будетъ сличать подписи въ такомъ пустякѣ?! Лишь бы дискредитировать А. Иларіона, заправлявшаго дѣлами Патріарха. И, дѣйствительно, кому изъ читателей распространеннаго журнала и почитателей А. Иларіона не стало бы стыдно за него, узнавъ о немъ такой фактъ?!

Въ свое время постановленіе благочинныхъ Московской епархіи гласило, что признаніе обновленческаго управленія, считается необходимостью момента; въ газетахъ было напечатано — «каноническою необходимостью». Если въ подлинной резолюціи была подчеркнута вынужденность признанія, то въ подлогѣ это вышло совсѣмъ иначе. Съ полною увѣренностью можно сказать, что въ день смерти своей Патріархъ не подписывалъ своего «завѣщанія», какъ это обозначено датой на немъ.

[20] Ев. Іоанна, Гл. 8, ст. 3-11.

[21] См. рѣчь А. Введенскаго въ одномъ изъ номеровъ «Вѣстника» обновленческаго синода за 1927 годъ. Цитирую по памяти.

Александръ Введенскій — вождь обновленчества. Въ свое время, окончивъ Петербургскій университетъ, сталъ священникомъ. Удачно велъ полемическіе диспуты съ безбожниками въ Петроградѣ и былъ популяренъ. Такая роль вела его къ тюрьмѣ. Однажды, въ разговорѣ съ Митрополитомъ Петроградскимъ Веніаминомъ, когда послѣдній говорилъ, что онъ каждый день готовъ къ аресту, Введенскій признался, что онъ не можетъ безъ ужаса подумать о своемъ возможномъ арестѣ и тюрьмѣ. Нѣкто, священникъ Бѣлковъ, нынѣ снявшій рясу активный безбожникъ, свелъ Введенскаго съ Чека и они договорились. Введенскій (вмѣстѣ съ Бѣлковымъ, Калиновскимъ и Красицкимъ) взялся за дѣло возглавленія Церкви вмѣсто заключеннаго патріарха. Будучи лишень за это сана своимъ Митрополитомъ, который такъ долго его пестовалъ, какъ дорогого сына, Введенскій подвинулъ дѣло ареста Митрополита, каковой арестъ кончился судомъ и смертною казнью послѣдняго. Введенскій уменъ, много знаетъ, говоритъ красиво, но напыщенно, съ

дѣланнѣмъ пафосомъ; въ богослуженіи — отвратительный фальсификаторъ религіознаго чувства, скверный актеръ, истерикъ, пошлякъ; болѣе омерзительнаго кощунства надъ святынею трудно представить: онъ ломается, кричитъ, позируетъ безъ конца. Вообще, человѣкъ съ ярко подчеркнутымъ тщеславіемъ во всемъ своемъ обликѣ. Будучи, можно сказать, заслуженнымъ сотрудникомъ ГПУ (въ свое время онъ и жилъ въ домѣ ГПУ, на Шпалерной, и пользовался столовой его сотрудниковъ), онъ живетъ свободно во всѣхъ смыслахъ. У обновленцевъ онъ — все, хотя и не является официальнымъ предсѣдателемъ ихъ Управленія. Его боятся, предъ нимъ заискиваютъ. Онъ, женатый священникъ, — въ санѣ «митрополита» безъ кафедръ, по какому случаю А. Иларіонъ его называлъ «митрополитомъ Содомскимъ и Гоморрскимъ». Вполнѣ точная характеристика.

[22] Нужно замѣтить, обновленцы пережили два періода отношеній съ ГПУ. Первая, — когда всѣ уполномоченные обновленцевъ на мѣстахъ дали подписку просто «честнаго» гражданина. Второй, — когда затребована была отъ всѣхъ вторая подписка: обязательство исполнять всѣ распоряженія ГПУ. Последнее привело обновленцевъ въ замѣшательство: многіе побоялись сдѣлаться настоящими сотрудниками ГПУ, чтобы не пришлось выполнять всѣхъ заданій его по разрушенію Церкви. Но мнѣ, лично, извѣстенъ всего одинъ случай отказа дать вторую подписку. Этотъ обновленецъ, конечно, сѣлъ въ тюрьму. Такъ ГПУ провѣрило свои ряды. Договоръ М. Сергія съ ГПУ прямо возводитъ М. Сергія въ вторую, «высшую» стадію его отношеній съ ГПУ. На обновленцахъ ГПУ продѣлало только грубые опыты, съ М. Сергіемъ проявило уже большое искусство.

[23] Монашествующіе обоихъ половъ, послѣ массовыхъ арестовъ, уже почти всѣ поголовно отправлены въ мѣста ссылки и принудительныхъ работъ.

[24] Таковыя избѣжали только тюрьмы и повседневнаго глумленія власти надъ собою. Но то, что они суть «бывшіе» «служители религіознаго культа» явилось несмываемымъ пятномъ. Ихъ лишаютъ работы и вмѣстѣ съ нею куска хлѣба. Преимущество вездѣ — незапятнаннымъ ничѣмъ въ прошломъ, пролетаріямъ.

[25] Число павшихъ такимъ образомъ священнослужителей чрезвычайно велико. Изъ всѣхъ, сколько нибудь знакомыхъ мнѣ городовъ Сѣвера и Юга Россіи, не знаю ни одного, гдѣ-бы не было батюшки, своего человѣка для ГПУ. Роль ихъ почти у всѣхъ на глазахъ. Даже въ селахъ многіе батюшки роли этой не избѣжали.

[26] Объ осуществленіи царства Божія на землѣ обновленцы разводили въ своихъ журналахъ цѣлыя теоріи. Но у нихъ-то и были очевидны и омерзительны страхъ тюрьмы и забота о спасеніи собственной шкуры. Въ этомъ-то и былъ корень исканія условій для жизни Церкви въ безбожномъ государствѣ. Сами искатели хотѣли и

вѣру сохранить и съ безбожниками, гонителями вѣры, поладить такъ, чтобы за свою вѣру не пострадать. Вспомнимъ психологію А. Введенскаго предъ перспективою ареста. Это характерно для всего личного состава обновленчества, который вербовался страхомъ насилія властей.

[27] Кто будетъ сомнѣваться въ теоретической силѣ убѣжденій вождей церкви христіанской?! Они у нихъ въ любой моментъ на кончикѣ языка.

[28] Почитайте ихъ литературу и убѣдитесь, какъ они доказываютъ «нравственность» своей безнравственности: самочинный захватъ власти, право на реформы, союзъ съ безбожниками.

[29] См. «Посланіе» отъ 16/29 Іюля 1927 г.

[30] О томъ, что это именно такъ, что «комбинація средствъ» насилія и пропаганды у большевиковъ теоретически обоснована, какъ и самые провокація, ложь, обманъ, примѣняемые ГПУ въ отношеніи къ церковному Управленію, есть только частное приложеніе теоретически обоснованнаго общаго метода, что суть официальной большевистской философіи, діалектическаго матеріализма, понимается какъ — «нѣтъ ничего святого», что большевистская власть безчестна, безсовѣстна, абсолютно аморальна не какъ-то случайно, а принципиально, о томъ, наконецъ, кого мы вообще въ лицѣ большевиковъ имѣемъ предъ собою во всемъ вооруженіи, надо бы рассказать хотя отдѣльно, ибо это имѣетъ прямое и существенное отношеніе и къ настоящей темѣ.

[31] Буквальное выраженіе А. В. Луначарскаго въ одной изъ напечатанныхъ его антирелигіозныхъ лекцій, заголовокъ которой не помню.

[32] Развѣ всякій религіозный человекъ въ совѣтской Россіи не есть, на самомъ дѣлѣ, контръ-революціонеръ и по своимъ взглядамъ, вообще, и по отношенію своему къ новому экономическому строю: пятидневкѣ, коллективу, лишающимъ его праздниковъ и молитвы? Власть и новая совѣтская общественность преслѣдуютъ его. Вѣрующіе во всѣхъ учрежденіяхъ, и службахъ, и работахъ разсматриваются, какъ политически неблагонадежные.

[33] Если управляетъ марксистская теорія и социалистическій идеаль, то это и понятно, потому что владѣетъ этими теоріей и идеаломъ и управляетъ страной «тонкій слой старыхъ большевиковъ» (по выраженію Ленина), а остальные не знаютъ, чѣмъ они являются или окажутся въ осуществленіи этой теоріи. Все нравственно и хорошо, что осуществляетъ эту теорію. Эта теорія и вырабатываетъ въ Россіи «новыхъ людей», «сверхчеловѣковъ», живущихъ «по ту сторону добра и зла», для которыхъ «нѣтъ ничего святого». Общечеловѣческая мораль и самая

природа чловѣка перевернута вверху дномъ и этой теоріей и большевистской практикою. — Предвосхищаю другую тему.

[34] М. Сергій чрезвычайно легко переходилъ, въ свое время, въ обновленчество. Такъ же легко и просто, снявъ клобукъ и мантию, онъ публично каялся въ этомъ предъ Патріархомъ. Теперь онъ — сотрудникъ ГПУ. Завтра, будь на то возможность, онъ легко и просто покается бы предъ заграничными іерархами всѣхъ направленій за причиненныя непріятности. Эластичный чловѣкъ, всегда удобный, бывшій безсмѣнный членъ Святѣйшаго Синода, въ отношеніи къ оберъ-прокурору типа — «чего изволите». — Его первоначальный честный путь въ борьбѣ съ ГПУ за Церковь есть невольное движеніе по линіи, данной Патріархомъ и М. Петромъ, пока, наконецъ, онъ не сталъ опять самимъ собою.

[35] 1 Посл. Іоанна гл. 5, ст. 16.

[36] 1 Посл. Петра, гл. 2, ст. 20.

[37] Я слышалъ, что будто въ католической печати М. Сергію разсыпаютъ похвалы. Не имѣлъ возможности это провѣрить. Но если такъ, то тѣмъ болѣе я правъ въ этой оцѣнкѣ.

[38] 3 Царствъ, гл. 19, ст. 10, 14.

[39] Долженъ сказать, что признаніе М. Сергія вылилось частью и въ такія формы. Священники находятъ возможнымъ получать отъ него и его епископовъ назначенія на мѣста, но поминаеніе имени М. Сергія за богослуженіемъ, а также и властей считаютъ принципиально недопустимымъ, и поминаютъ имя одного М. Петра. М. Сергій для нихъ — только администраторъ, архіерея они въ немъ не видятъ. И эта позиція, конечно, — рискованная.

[40] За исключеніемъ Антиохійскаго.

[41] Ев. Іоанна, гл. 8, ст. 7.

[42] Ев. Матѳея, гл. 7, ст. 14.

[43] Использовать даже врага своего въ своихъ цѣляхъ и потомъ его уничтожить — общій методъ большевиковъ, широко примѣняемый ими всегда и вездѣ.

[44] Посл. Іакова, гл. 4, ст. 17.

Источник: Михаилъ Священникъ. Положеніе Церкви въ совѣтской Россіи. Очеркъ бѣжавшаго изъ Россіи священника. — Іерусалимъ: Printed in Goldberg's Press, 1931. — 126 с.